

Евгений СУХОВ

АФЕРИСТЫ

ЛИХАЯ ГАСТРОЛЬ

Червонные валеты

ЕВГЕНИЙ СУХОВ
Лихая гастроль

«ЭКСМО»

2011

Сухов Е. Е.

Лихая гастроль / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2011 — (Червонные валеты)

Такой шайки мошенников еще не видывал свет! Аферы, которые она проворачивает, отличаются необыкновенной дерзостью и выдумкой. Да и компания как на подбор: хитроумный жулик с многолетним стажем Епифанцев, эффектный актер и певец Худородов, пианист и картежник Краснощеков – и красавица Марианна, вымогающая деньги у богатых поклонников. Начальник Московской сыскной полиции генерал-майор Аристов сбил не одну пару каблучков, гоняясь за мошенниками, но все его усилия оказывались тщетными – всякий раз аферисты ускользали, оставляя полицейским записки с издевательским текстом. Так должно было случиться и в этот раз. Но удача – женщина капризная, и она отвернулась от аферистов...

© Сухов Е. Е., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Пролог	5
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Евгений Евгеньевич Сухов

Лихая гастроль

Пролог

Генерал-майор Аристов просматривал сводки за прошедший день, когда в комнату, коротко постучавшись, вошел секретарь.

- Ваше превосходительство, только что пришла срочная депеша из Варшавы.
- Давай сюда, – приподнял голову Григорий Васильевич.

Секретарь сделал несколько спешных шагов к огромному дубовому столу, за которым сидел начальник московского сыска, и протянул ему бумагу.

«По нашим агентурным данным, в гостинице «Метрополь» под именами Карасева Ивана Глебовича и Хворостовой Ирины Николаевны остановились мошенники международного масштаба: Герасим Сидорович Прокофьев (родом из смоленских мещан) и Варвара Семеновна Крушинская (по происхождению владимирская дворянка). Им вменяются подлоги векселей, подделка аккредитивов и прочие противозаконные деяния. Преступники могут представляться многими именами. Подозреваемый Прокофьев выдает себя за лиц различного сословия и звания, в том числе за купца первой гильдии Митрофанова Петра Спиридоновича, за присяжного поверенного Звездочетова Тимофея Игоревича, за инженера Головкина Семена Всеволодовича. Подозреваемая Крушинская может называться акушеркой Анисимовой Дарьей Ильиничной, а также инспектрисой Высших (Бестужевских) женских курсов. Просьба поспособствовать в задержании злоумышленников.

Действительный статский советник, начальник Варшавской сыскальной полиции Гавриил Владимирович Муравьев».

Положив депешу на стол, Аристов поднялся:

– Кто у нас сейчас в управлении?

– Матвей Феофанович Богатырев, околоточный надзиратель четвертого участка, со своими людьми.

– Так, – одобрительно кивнул Григорий Васильевич, набрасывая кафтан. – Сколько их?

– Шесть человек.

– Достаточно! Я буду седьмым... Передай им мое распоряжение, чтобы немедленно выезжали к «Метрополю». Если доберутся раньше меня, пусть блокируют все выходы из здания и никого не выпускают. Без меня не начинать! Я лично хочу присутствовать на задержании этого Карасева и Хворостовой.

– Без санкции прокурора могут возникнуть неприятности, вы же знаете, как там относятся к подобным вещам, – осторожно заметил секретарь. – А подозреваемые могут быть совершенно посторонние люди.

– Сейчас не до либеральностей, – буркнул Григорий Васильевич. – Если мы ошибемся, так лучше извиниться, чем проворонить таких отъявленных мошенников.

* * *

Уже через полчаса Григорий Васильевич Аристов был у гостиницы «Метрополь». Матвей Богатырев вместе со своим помощником стоял у парадного входа и дожидался начальника сыска.

– Давно подъехали?

– Пять минут назад.

– Преступники в гостинице? – коротко осведомился Аристов, направляясь в здание.
– Так точно, ваше превосходительство. Управляющий сказал, что они никуда не выходили.

– В каких номерах они живут?

– Карасев – в тридцать пятом, а дама – в тридцать шестом.

– Прекрасно, – заторопился он по лестнице. – Начнем с тридцать пятого, а у тридцать шестого выставите охрану.

Быстро поднялись на второй этаж, где размещались номера.

– Открывайте, полиция! – громко постучал в тридцать пятый номер околоточный надзиратель.

В ответ ни звука.

Более настойчивый стук – опять тишина.

– Ну-ка, покажи, как ты умеешь, – обратился Григорий Васильевич к полицейскому аршинного роста и представительной наружности, показывая на дверь.

– Господа, господа! – громко выкрикнул с противоположного конца коридора грузный управляющий, задыхавшийся от быстрой ходьбы. – Чего же имущество-то портить... Ведь ключи же есть!

Вставив ключ в замочную скважину, он повернул его на два оборота.

– Входите... Только прошу вас поаккуратнее, в комнатах итальянский паркет! А потом, обстановка...

Полицейские вошли в номер. Пусто.

– Осмотрите как следует. Шкафы, ниши, не забудьте заглянуть под кровати. Мало ли где они могут быть!

Полицейские заглянули в туалетную комнату, в ванную, прошли на балкон. Никого!

– Ваше превосходительство, – произнес околоточный надзиратель, – тут вам записка... – Чуть смутившись, добавил: – Нашли в будуаре.

Взяв клоч бумаги, Аристов прочитал: *«Григорий Васильевич, извините, что не дождался вас. Дела-с! А на том кланяюсь, Ваш Иван Карасев, Герасим Прокофьев, Петр Митрофанов и прочая, прочая, прочая...»*

Усмехнувшись, Аристов сложил вчетверо бумагу и сунул ее в карман мундира.

– Что прикажете, ваше превосходительство? – спросил околоточный пристав у огорченного генерала.

– Собирайтесь... Делать нам здесь больше нечего.

Часть I

РЕДКОСТНЫЙ ТАЛАНТ

Глава 1

НЕСЛЫХАННАЯ АЖИТАЦИЯ

Столь значительное событие в Коломне случается нечасто: виданное ли дело, в город приезжает сам Федор Иванович Шаляпин! За три дня до его выступления по всему городу – на тумбах, столбах и даже заборах (на что местная полиция совместно с дворниками взирала с понимающим спокойствием) – были расклеены саженные широченные афиши, с которых великий бас, приодетый в длинную соболиную шубу, гордо приподняв круглый подбородок, исполнял песню.

Ажитация в городе получилась неслыханной. Билеты, несмотря на то что продавались по бенефисной цене, были раскуплены в течение двух часов (такого не случилось даже тогда, когда в город приезжали всемирно известные летающие акробаты братья Джанни и Роберто Кастаньо). В назначенный час, а именно в шесть часов вечера, театр, заполненный до отказа публикой, ожидал всемирно признанного баса в приятном волнении.

В первых рядах, как это было заведено от столицы до самой дальней окраины империи, сидела местная знать, выехавшая в свет всем своим семейством. Градоначальник, облачившись в парадный мундир при голубой ленте через плечо, возвышался монументом в центре третьего ряда; по обе стороны от него сидели две женщины: одна – одетая в пестрые просторные китайские шелка – супружница уважаемого головы; другая – худосочная девица с остроносой неинтеллигентной физиономией – младшее любимое чадо.

В этом же ряду, по сторонам, сживали люди чином менее значимым, большей частью все из управы, да вот еще промышленники с купцами. Чуток повыше, где места были немного поплотнее, сживал господин исправник с женой и с двумя сыновьями-студиозами, прибывшими на каникулы из Москвы. А в конце зала расположились мелкие чиновники, большей частью с супружницами. На галерках, как это водится повсюду, – малоимущие да фабричные; некоторые места позанимали гимназисты старших классов.

В зале было тихо. Великий бас опаздывал на целых двадцать минут, однако его терпеливо ждали, и никто из присутствующих не отважился поторопить его на выход назойливыми нетерпеливыми хлопками. Только иной раз из глубины сцены, завешанной тяжелой занавесью, раздавался его могучий бас, упражнявший луженую глотку. Порой можно было различить даже отдельные слова, доносившиеся из закулисья, в которых публика, знакомая с репертуаром великого певца, узнавала или «Дубинушку», или «Блоху». Судя по тем нотам, что брал Федор Иванович, его голос был куда более впечатляющий, чем у отца Александра, старшего дьякона епископа Анастасия, славившегося своей могучей глоткой.

Когда ожидание достигло наивысшего накала, на сцену, в черном фраке и с красной щеголеватой бабочкой под толстой шеей, вышел круглый представительный мужчина лет пятидесяти пяти, с длинными завитыми усами, по всей видимости, антрепренер, и торжественно, как того требовал случай, объявил:

– А сейчас, господа, перед вами выступит величайший бас современности, покоровший своим неслыханным талантом сцены России, Европы и всего мира, наш несравненный Федор Иванович Шаляпин!

Зал взорвался аплодисментами; прошли долгие минуты, прежде чем овации схлынули.

– Сейчас Федор Иванович совершает турне по России, – все тем же торжественным голосом продолжал антрепренер. – И просто не мог не заехать в ваш чудесный город, о котором он слышал так много хорошего.

Зал вновь обрушился шквалом оглушительных аплодисментов, которые тотчас были успокоены поднятой рукой антрепренера.

– Только прошу вас, уважаемые господа, – ведущий буквально умолял почтенную публику, – Федор Иванович натура весьма тонкая, очень впечатлительная и весьма ранимая, входит в образ не враз, а потому, пожалуйста, не шумите во время концерта и не перебивайте его чудесное пение восклицаниями. Прошу вас, господа, соблюдайте полнейшую тишину.

Картинно поклонившись, антрепренер, распрямив спину, удалился за кулисы. Некоторое время было тихо, из-за сцены через дощатые перегородки пробивались лишь раскаты мефистофельского смеха, продолжавшие распевку.

Неожиданно Федор Шаляпин умолк. По залу прошелся оживленный нарастающий шепот, имевший отношение к предмету ожидания, дамы зашуршали платьями, мужчины сдержанно делились впечатлениями.

– Видал я его однажды, когда в Петербурге у свояка гостил, – произнес Степан Емельянович Похмелкин, худосочный чиновник по особым поручениям, служивший в городской управе.

– Неужто на концерт ходили? – восторженно спросил Сигизмунд Янович Миропольский – полноватый мужчина с отвислыми щеками, в чине коллежского асессора.

– На концерт попасть не довелось, просто подле театра с семейством прогуливался. Но вот когда Федор Иванович из театра к вознице подходил, тогда я его и заприметил.

– И каков же он?

– Высоченный, как гора! Идет прямо, по сторонам не глядит, голову высоко задирает, живот вперед. А всюду кричат: «Шаляпин! Шаляпин!» А он внимания ни на кого не обращает, только далее себе топает. Как тут не расступиться! Отошел я малость с пути великого артиста, дескать, проходи, почтенный, а он даже на меня не глянул, только пропел эдак: «Блоха, ха-ха-ха!» И далее пошел. А у меня от его пения мурашки по всему телу пробежали. Эко, думаю, какой талантище невиданный. Хотя в сравнении с ним кто я такой? Конечно же, блоха!

Худосочного Степана Похмелкина поддержал купец второй гильдии Остап Никанорович Круглов, явившийся в театр со всем своим многочисленным семейством: четырьмя дочерьми (две из которых были девками на выданье, и к одной, как сказывают, уже сватался приказчик из бакалейной лавки), да с тремя сыновьями – одинаково лобастыми, как и сам папаша, и со столь же мрачными взглядами.

– А я тут как-то за кулисы заходил: страсть как захотелось на самого Федора Ивановича вблизи посмотреть. Приоткрыл дверцу-то, а он в кресле раскинулся, а подле него камер-юнг-фрау стоит и руки ему на плечи положила, а он ее за талию к себе прижимает.

– Не иначе как глотку Федору Ивановичу разминала, чтобы голосище покрасивше звучал, – предположил молодой купец Абрам Филиппович Сафаров, сидевший неподалеку.

Минуло еще минут пятнадцать, но великий Шаляпин запаздывал. Наконец, истомившись, с галерки кто-то несмело и жиденько захлопал, но на него тотчас зашикали соседи, опасаясь, что Федор Иванович может лишиться расположения духа. Даже чопорный исправник, сидевший в первом ряду, отерев платком взопревшую шею, с присущим ему усердием погрозил охальнику волосатым кулачищем. Так и ждали в молчании, пока наконец занавесь не дрогнула и на сцену не вышел высокий взлохмаченный человек в строгом фраке. Зал мгновенно всколыхнулся, собравшиеся в восторге закричали: «Федор Иванович! Шаляпин!», а наиболее отчаянные дамочки завизжали так, что у их соседей позакладывало уши. Но взлохмаченный мужчина живо и протестующе замахал руками, призывая к абсолютной тишине, прижимал палец к губам, заговорщицки кивал на портьеры, где, по всей видимости, находился вели-

кий талант, и делал все возможное, чтобы успокоить зал. Хлопки утихли, только откуда-то с галерки кто-то усердно продолжал бить в ладоши; вскоре неловко смолк и он.

Взмахнув полами фрака, пианист устроился за рояль, громко откинув крышку. А еще через минуту величественно, как и полагается большущему дарованию, на сцену вышел Федор Иванович, в спину которому полетел ворох рассыпанных роз. Публика неистовствовала так, что невольно возникала мысль, что театр может рассыпаться по бревнышку. Никогда прежде он не знал такого восторга. Крики радости были слышны за пять кварталов и визгливыми женскими отголосками долетали до городского парка, где спугнутое воронье, долго горланя, не отваживалось возвращаться на кроны тополей.

Федор Иванович сдержанно отвесил поклоны по сторонам, потом подошел к роялю и враз посуровел. Публика мгновенно умолкла. Затихло даже воронье, в ожидании устроившись на кронах. Кто-то в середине зала, не выдержав оглушительной тишины, негромко сморкнулся. А Федор Иванович, пригвоздив того строгим взглядом, укоризненно покачал головой, заставив того и вовсе спуститься со стула на пол, а потом сочувствующе произнес:

– По всему видать, вы простудились, батенька, я бы вам посоветовал малинового отвару испить. Помогает!

Некоторое время в зале стояла полнейшая тишина. Великий бас лишь вращал глазами да энергично шевелил полными губами, а потом, повернувшись к пианисту, в ожидании воззрился на него с открытым ртом. Расколотив тишину сдержанным кашлем, Шаляпин сказал пианисту по-простому трубным голосом:

– Начинай, братец!

Пианист высоко вскинул руки, отчего и без того короткие рукава и вовсе сползли на самые локти, и уверенно ударил пальцами по клавишам.

Концерт начался!

Глава 2 РЕПОРТЕР

Концерт закончился только около десяти вечера и прошел блестяще. Федора Шаляпина восемь раз вызывали на «бис», и в дополнение к программе он исполнил партию Мефистофеля, Тонио в «Паяцах» и дважды свою знаменитую «Блоху».

Так что в гостиницу певец возвращался в хорошем расположении духа. Поклонники провожали его до самого крыльца, надеясь, что он порадует их красотой и величием своего голоса, однако не случилось – простояв в ожидании около часа, по-тихому разошлись.

* * *

Феоктист Евграфович Епифанцев, полноватый мужчина лет пятидесяти пяти от роду, сидел за столом и занимался своим любимым делом – считал ассигнации, полученные с концерта. Судя по разгладившимся морщинам, он пребывал в отличном настроении. Купюры старался складывать одна к одной: четвертные (а их было большинство) в одну стопочку, синенькие – в другую; «катеньки» (их было менее всего) – в третью.

Марк Модестович Краснощеков – пианист, а по совместительству карточный шулер – сидел на диване и старательно разучивал очередной фокус; Аристарх Ксенофонтович Худородов, больше известный в провинциях как Федор Иванович Шаляпин, расположившись в кресле, подливал в большой бокал красного вина.

Единственную женщину в компании мужчин звали Марианной, во время концерта «Шаляпина» она занималась подготовкой костюмов. Ей было не более двадцати четырех лет. Густые черные волосы уложены в высокую прическу, губы чуть капризные. В тонких пальцах правой руки она держала длинный мундштук с тонкой сигаретой. Казалось, что сигарета ей была нужна для того, чтобы только подчеркнуть природное изящество. Щеки по-девичьи пухлые, а над верхней губой едва пробивался темный пушок.

– Я вот что думаю, – забасил Худородов, посмотрев на Марианну. Девушка старательно делала вид, что не замечает его взгляда. – Может, мы здесь еще один концерт закатим? Такой успех! – гордо вскинул он голову. – Давно меня так не встречали. Представляю, что будет в Париже или в Берлине... – мечтательно воздел он глаза кверху.

– Ну да, конечно, ты там, Федор Иванович, частый гость, – хмыкнул язвительно Епифанцев.

– Ну-у, не то чтобы часто... Но случилось.

– А останавливаться нам здесь никак нельзя. Ближайшим парходом едем дальше. Все-таки ты Федор Иванович Шаляпин, а не какая-нибудь посредственность.

– Но ведь аншлаг, – мягко возразил Худородов. – Приятно-с глазу, хотелось бы повторить. Все-таки я артист! Вы, наверное, забываете, но мне приходилось выступать на одной сцене с Шаляпиным.

– Тебя, Федор Иванович, в любом городе так принимать будут. Ты, чай, артист мирового уровня.

Посчитав деньги, Феоктист Евграфович объявил:

– Здесь пятнадцать тысяч, господа. Мне, стало быть, как организатору концерта полагаются шесть тысяч; ну, а вам по три.

– Это грабеж! – загудел Аристарх Худородов, да так, что в комнате задребезжали стекла. – У меня – артиста больших и малых театров, певца, которого носит на руках вся Европа, – какой-то прощелыга-антрепренер забирает половину причитающегося гонорара!

Смиренно выслушав возмущение, Епифанцев сложил деньги в карман.

– Вот что я скажу, Федор Иванович: если тебя не устраивает моя компания, так можешь самостоятельно концерты организовывать. А уж я как-нибудь и без Шаляпина проживу.

– Хорошо, согласен, – вздохнул Аристарх.

– Вот и славно!

– И все-таки вы, Феоктист Евграфович, мошенник, – погрозил пальцем Худородов. – Могли бы уважить великого артиста, хотя бы треть предложить.

Взяв со стола деньги, Аристарх Ксенофонтович принялся рассовывать их по карманам.

– Я отдаю ровно столько, на сколько мы договорились. Раньше нужно было упрямитесь.

– Господа, вы же интеллигентные люди, полноте вам ссориться, – запротестовал со своего места пианист. – Три тысячи рубликов за одно выступление тоже очень хорошие деньги.

Марианна не принимала участия в споре, лишь с немым укором посматривала на разгорячившихся мужчин.

– А только я вам вот что скажу, в Казани на полторы тысячи рублей было больше, – заметил Феоктист Евграфович, – хотя народу пришлось поменьше.

– Это что же тогда получается? Надули?! – возмущенно воскликнул Худородов.

– Не торопитесь, батенька, с выводами... А кто сказал, чтобы студентов и гимназистов бесплатно пропускали? – едко прищурился Феоктист Евграфович.

– Было дело, – сконфуженно протянул Худородов.

– Нужно было бы с них взять хотя бы по гривенничку, и то польза была бы! А так бестолковость одна вышла. Но вы человек широкой души, артист! Денег у вас много, в соболиных шубах расхаживаете, можете себе такое позволить; а вот только что тогда вашим слугам делать?

Аристарх Худородов лишь сконфуженно вздохнул.

– И все-таки денег могло быть и поболее. Такой успех!

Феоктист Евграфович лишь отмахнулся:

– Будет с вас! Скажите спасибо непросвещенной публике, что тухлыми яйцами вас не закидали.

– А это-то за что? – обиженно прогудел артист, высоко вскинув брови (получилось совсем по-шаляпински). – Сложись иначе, так, может, я сейчас на императорской сцене блистал бы! Федор Шаляпин в Панаевском театре вторым номером был... после меня.

– А вы не кипятитесь, Аристарх Ксенофонтович, есть за что, – сурово продолжал антрепренер. – Я хоть и не шибко силен в музыке, но кое-что в ней понимаю. Вот давеча, когда вы затянули «На земле весь род людской», дважды в ноты не попали. Следовало бы прислушаться, а то тянете голосищем, как паровоз!

– Звука много, а толку никакого, – хихикнув, поддержал пианист, отставляя карты в стороны.

– Вы, господа, все обидеть меня хотите, – протянул недовольно Худородов и торжественно, как и подобает великому артисту, произнес: – Когда я взошел на сцену, так зал четверть часа мне рукоплескал стоя, пока я его не успокоил. А вы говорите – труба!

– Федор Иванович, – укоризненно покачал головой антрепренер. – Вам бы поболее за роялью надо стоять, новые партии разучивать, а вы все по кабакам шастаете.

– Позвольте! – вскричал трубным голосом Аристарх Худородов. – Это наговор!

– Наговор, говорите? – прищурился въедливый Епифанцев. – А кто вчера тискал в кладовой мадемуазель Кити?

На лице артиста отобразилась блудливая улыбка.

– Ну-у, Феоктист Евграфович, тут совсем другое, она мне помогала чистить фрак, – украдкой глянул он на Марианну. – Одному-то мне не с руки.

– Полноте вам, – отмахнулся Епифанцев. – А позавчерась, когда мы остановились на постоялом дворе у купца Селедкина, что было?

– А чего там было? – удивленно вытаращил глаза Федор Иванович.

– Как купец-то по делам в город уехал, так вы с его женой в спальне заперлись, так до самого вечера и не выходили.

– Тут другое, – лицо Шаляпина продолжало источать блаженство. – В горле у меня что-то запершило, а купчиха меня боярышниковым отваром отпаивала. Дюже как горлу помогает!

– Это еще ладно, полбеда, – отмахнулся назойливый Феоктист Евграфович. – А зачем во время представления градоначальника в лоб пальцем ткнули?

– В образе пребывал, – гудел Федор Иванович. – Сами же видели, блоху пел! Вот и показывал, как я ее пальцем давил, проклятушую!

Епифанцев погрозил вертлявым пальцем:

– Смотрите у меня, господин Шаляпин, как бы ваша бестолковость для всей нашей труппы боком не вышла. А когда вы окончательно в образ войдете, так начнете исправника нагайкой погонять, так, что ли?

– Виноват, – горестно вздохнул Аристарх Худородов. – Накатило что-то.

– В следующий раз чтобы без глупостей, – предупредил антрепренер. – И рожу корчить не нужно, чай не на ярмарке выступаете, – укорил Епифанцев. – А ежели не согласны, так я никого не держу, можете отваливать, я себе других Шаляпиных найду. Таких дурней с луже-ными глотками по всей России предостаточно наберется. Ишь ты, настоящим Шаляпиным себя вообразил!

– Более не буду, – покаялся артист. – В образ вошел.

– Вот так-то оно лучше, – кивнул Епифанцев, давая понять, что конфликт улажен. – Выступать чинно, благородно, рожу не кривить, к дамам в лиф не заглядывать, кухарок за бока не щипать, с лакеями клюквенную не хлестать. И делать все то, что положено великому артисту.

Аристарх Ксенофонтович лишь покаянно покачал головой и дал обещание, что наставления не позабудет.

– Поделом вы меня, Феоктист Евграфович, в следующий раз сделаю все, как положено. Это надо же, куда меня занесло! Да пусть белого света не увижу, коли отступлюсь!

Поскрипывая на продавленном диване, похихикивал пианист. Его ловкие пальцы уверенно перебирали карты – с ними он был столь же смел, как и с роялем. Видела бы публика, с каким настроением антрепренер распекает великого Федора Шаляпина, так наверняка немало удивилась бы подобному казусу.

Под именем Федора Ивановича Шаляпина выступал мещанин Пензенской губернии Аристарх Ксенофонтович Худородов. Невиданный голосище у него прорезался еще в юном возрасте. А когда время пришло, он был определен родителями послушником в Свяжский мужской монастырь. Послушание его заключалось в том, чтобы во время песнопения тянуть басовито нижнюю ноту, на которую местный дьякон, худосочный отец Николаша, был не способен. Да вот еще подносить незабвенному отцу перед заутреней добрую чарку, когда голова раскалывалась от похмелья. А такое случалось нередко, ибо каждый день происходили ежели не именины, так похороны. А иной раз, когда дьякон бывал во хмелю и не мог подняться с постели, он и сам тянул псалмы на удивление всей пастве. Получалось слаженно и громогласно, оконные стекла позвякивали и грозились вывалиться из оконных рам.

Тремя годами позже, получив заслуженную рекомендацию, Аристарх Ксенофонтович поступил в Казанскую семинарию, из которой был исключен за поведение, недостойное духовного сана. Да и как тут воздержаться, ежели напротив семинарии располагался дом призрения, в котором было куда веселее, чем на лекциях богословия. А веселый девичий смех, раздававшийся порой из номеров, настолько будоражил юношескую кровь, что едва хватало моченьки, чтобы не броситься на его призыв.

Вот однажды Аристарх Ксенофонтович и не утерпел. Зашел в публичный дом с крестом и с иконкой в руках, чтобы наставить падших девиц на путь праведный, да так и пробыл там три дня безвылазно, угощая девиц хмельным вином и бурлящим шампанским.

На четвертые сутки Аристарх Ксенофонтович продрал глаза, шугнул навязчивых девиц, расположившихся вольготно на постели по обе стороны от него, отыскал за шкафом помятую перепачканную рясу и, напустив на себя смиренный вид, с оплывшим лицом потопал в семинарию слушать лекции о непорочном зачатии Девы Марии. Однако на его пути предстал ректор семинарии преподобный отец Филарет. Позвав отрока в кабинет, он долго слушал его пре-забавную исповедь, и даже дважды на его аскетическом и бесстрастном лице промелькнуло нечто похожее на улыбку, когда семинарист начал рассказывать о том, как маман вместе с другими девицами закружили вокруг него бесстыжий хоровод. А потом, разом посуровев (видно, вспомнив о своем педагогическом долге), отказался от дальнейших расспросов и повелел канцелярии подготовить документы на отчисление.

Покачав головой, ректор только и молвил:

– Жаль, такой голосище пропадает! Тебе, Аристарх, с таким божьим даром где-нибудь в столице при соборе служить надобно, а ты с девками испоганился...

Однако Аристарх Ксенофонтович не пропал. Скоро он осознал, что голосище его и вправду басовит, когда затеял спор с дьяконом Петропавловского собора, прослывшим на всю Казанскую губернию небывалым зычным голосом. При столпотворении, в ожидании состязания застывшем у самого алтаря, они принялись читать псалмы. Первым, напустив на себя преважный вид, заголосил дьякон. Вокал был хорош, таковой не стыдно было представить на императорской сцене в Петербурге. Не удержавшись, паства одобрительно зашущукалась, и если бы действо происходило не в соборном месте, а на подмостках театра, так непременно поощрила бы аплодисментами.

Казалось, что переорать такой голосище будет невозможно. В свой черед Аристарх Ксенофонтович втянул через широкие ноздри поболее воздуха и выдохнул такую слаженную ноту, что в соборе неожиданно потухли все свечи, а в притворе и вовсе расколотилось стекло. В задних рядах кто-то, не выдержав громогласного ора, в беспамятстве свалился прямо на руки собравшихся.

Из собора Аристарх выходил с поднятой головой, уже не сомневаясь в своей богоизбранности. И, судя по слащавой физиономии и по тому, что тотчас угодил в круг обожательниц, совершенно не жалел о том, что ему не суждено сделаться архиепископом.

Последующие пять лет Аристарх Ксенофонтович просто колесил по России и, где бы ни бывал, всегда оказывался и сыт, и пьян. Невиданный голосище ценился, а потому всегда находились желающие поднести стопочку. Особенно увлекательным был номер, когда на нижних нотах он тушил зажженные свечи, находящиеся от него аж на расстоянии в сотню локтей.

Был даже период, когда Худородов выступал в Панаевском театре, в труппе Зазулина, вместе с молодым Шаляпиным. И об этом он часто вспоминал с большим удовольствием. Вот только вскоре их судьба разошлась в разные стороны: Шаляпин был признан светом и обласкан властями, а Худородов перебивался тем, что голосом разбивал пустые фужеры.

Можно было считать, что жизнь удалась. На большее он не претендовал и рассчитывал всю жизнь прожить пьяно и весело, а на склоне лет, покаявшись перед обществом, уйти в глухой скит, чтобы помереть схимником.

Все перевернулось в один раз, когда в Муроме в небольшой кабаке близ городского базара, где собирались купцы, чтобы отметить выгодную сделку, и где в тот день солирующим лицом был Аристарх, забрел неприметный мужичонка с седеющими волосами и хитроватыми глазами; вместе с ним была миловидная девушка, на которую нельзя было не обратить внимания (по всей видимости, содержанка). Лопая паштет из гусяной печени, стареющий мужчина

запивал его клюквенной настойкой, громко при этом икая; девушка заказала овощной салат, вяло ковыряла его вилкой.

А когда все свечи в кабаке были потушены, а вся посуда полопалась от густого баса, он неслышно подсел к Аристарху, заказал поллитровку «белоголовки» и безо всяких вывертов и экивоков предложил работать под Шаляпина, обещав при этом неслыханный гонорар. Немного помолчав, новый знакомый добавил, что можно было бы петь и под Стравинского или Зыбина, но за Шаляпина более платят, да и популярность его несравненно выше. В провинции, богатой на купеческий люд, большей частью тянущейся к столичным развлечениям, он будет иметь неслыханный успех.

Предложение показалось заманчивым. Аристарх Ксенофонтович всегда считал себя рожденным артистом, и вот сейчас в лице седеющего мужичка с хитровой физиономией судьба предоставила ему еще один шанс отличиться на сценической площадке. Поколебавшись для вида, Аристарх покосился на красивое лицо его дамы и согласился. Устный договор был закреплен «белоголовицей». А уже на следующий день антрепренер заставил Аристарха взяться за разучивание репертуара Федора Ивановича Шаляпина.

Поначалу работа едва шла. Аристарх мог часами слушать у граммофона голос Шаляпина, пытаясь разгадать его магию. Но скопировать эмоциональную тональность оказалось куда труднее: великий бас просто играл своим голосом, забираясь на невиданные высоты. Поначалу Худородов пытался ухватить правильную тональность, напрягая горло, но она всякий раз ускользала, – не хватало той возбудимости и голосовых красок, с которыми пел великий бас. Пришлось посидеть немало часов у граммофона, прежде чем удалось добиться чего-то похожего. Так что раз от разу его пение становилось все лучше. И даже самые изысканные ценители Шаляпина вряд ли теперь могли различить подмену. Оставалось только закупить соболиных шуб, до которых великий бас был большой охотник, и, набравшись нахальства, разъезжать по России. Так что Аристарх Ксенофонтович выполнял просветительскую работу, а стало быть, Федор Иванович ходил у него в должниках. И если Шаляпин разъезжал по Европе, то Худородов раскатывал по России, имея при этом не меньший успех.

Изучив привычки и жесты Федора Ивановича, он совершенно не боялся быть узнанным, тем более что весьма походил на него фактурой.

Уже через три месяца они отбыли в небольшой, но очень богатый город Вологду, где новоявленный Шаляпин вкусил значительный кусок чужой славы. И, кажется, расставаться с ней более не собирался.

Прошло более двух лет. Жили весело, а порой и пьяно, смело разъезжая по необъятным просторам России. Больших городов старались избегать: предпочитали небольшие уютные, купеческие, золотопромышленные, зачастую лихие, привыкшие жить широко. В них всегда находилось немало промышленников, которые готовы были выписать из столицы самый большой талант, они щедро осыпали Федора Ивановича своими милостями. Так что через год гастролей Аристарх Ксенофонтович сумел сколотить приличную сумму и даже купил во Владимире доходный дом, приносящий ему ежемесячно хорошую ренту. А так как было немало богатых городов, где всегда находились желающие воочию увидеть первый бас России, то он с уверенностью мог сказать, что был обеспечен работой на долгие годы.

Однажды, выбрав в плотном графике гастролей окошко, Аристарх наведлся в Санкт-Петербург, чтобы воочию посмотреть выступление великого Шаляпина. Простояв длинную очередь, он купил билет в первый ряд. За то время, пока они не виделись, Федор малость раздобрел, в его жестах появилась барственность, но для него он оставался тем самым юношей, который бегал для него за штофом в буфет во время антракта. Аристарх Ксенофонтович всякий раз сдерживался, чтобы не затянуть с Шаляпиным одну ноту. Вот был бы конфуз!

* * *

Неожиданно в дверь постучали. Епифанцев с удивлением посмотрел на Аристарха, который лишь пожал плечами, что, по всей видимости, должно было означать: «Вы, ваше сиятельство, антрепренер, вам и отвечать».

Надо признать, что незапланированных визитов Феоктист Евграфович не терпел в силу их непредсказуемости. Самое время похватать вещички и поспешать на отходящий пароход. А вместо этого придется какого-то ротозея занимать долгими разговорами.

Одно дело какой-то поклонник, спешащий выразить Федору Ивановичу свое восхищение его несравненным талантом, – такого и выпроводить не грех! – другое дело представитель местной управы, для которого за честь посидеть со знаменитостью, выпить с ним чайку, и вот отделаться от такого будет крайне сложно.

В дверь вновь постучали, на сей раз нетерпеливей и громче. Стало понятно, что просто так не отсидеться.

Приложив палец к губам, Феоктист Евграфович подошел к двери и слегка приоткрыл ее. В щель просунулась острая любопытствующая физиономия.

– Что же вы такое творите, милостивый государь, – покачал головой Епифанцев. – Федор Иванович отдыхать изволит. Устал, а вы безобразничаете.

– Вы запомнили, Феоктист Евграфович, – скороговоркой заговорил гость, – я корреспондент «Коломенского вестника» Трошин Георгий Гаврилович. Вы обещали устроить мне встречу с Федором Ивановичем.

– Кхм...

– И даже за протекцию взяли красненькую.

Феоктист Евграфович сдержанно кашлянул. А газетчик, разглядев во взгляде Епифанцева нерешительность, напирал:

– А наши читатели ждут-с! Иначе никак нельзя, уже и анонс даден. На всю страницу!

– Феоктист Евграфович, кого же ты там в дверях томишь? – пророкотал со своего места Аристарх. – Пуцай заходит. Ежели публика хочет знать обо мне, так отчего же не рассказать. Запускай репортера!

Сгорбившись в три погибели, как если бы он тащил на своих плечах непомерную ношу, в комнату вошел худенький тщедушный репортер.

– Покорнейше прошу меня извинить, но наши читатели... Им очень бы хотелось узнать о планах Федора Ивановича на ближайшее время, а еще узнать, как ему понравился наш город.

Аристарх Ксенофонович отложил бутылочку в сторонку. Пьяным не выглядел, блестя лишь глаза, но то от эмоционального возбуждения.

– Город хорош, понравился. Особенно дамы. Ха-ха! Что еще хотел услышать, милейший?

– С чего началось ваше пение, Федор Иванович?

– Кхм... кхм, – со значением откашлялся талант. – Поначалу хористом был, в архиерейском хоре пел. Правда, сразу был отмечен – пел так, что свечи в паникадилах гасли. Вот меня и просили особенно не напрягаться. А то ты, дескать, весь огонь перед образами потушишь. А это не дело. Потом в Уфу пробрался, там пел... хотя какое пел, – махнул рукой артист. – Все больше мешки с провиантом таскал. Ты, дескать, парень силы недюжинной, вот и неси. Так что я натаскался. А однажды с бурлаками даже баржу тянул.

– А как вы в первый раз партию спели?

Аристарх Ксенофонович покосился на диван, за которым была спрятана наполовину выпитая бутылка красного вина. Приосанившись, как и положено человеку значительному, заговорил:

– Тут как-то отъехали мы в Нижний Новгород, а главный наш певец в запой ушел. Пробовали мы его отваром из боярышника отпаивать, но ничего не помогает. Он знай только орет: «Водки хочу! Несите белоголовки, а то подохну!» Что тут сделаешь, пришлось нести, а то и в самом деле околеет, а нам от того неудобство сплошное. А тут уже и время спектакля подошло. Вроде бы и отпоили, начал людей понемногу узнавать, да трясушка его замучила. Вот хозяин и говорит, ты бы, Федька, спел за него сольную партию. А что мне сказать? Я и говорю: спою! Отчего ж не спеть-то... А только когда я в образ вошел и на стул сажился, так мимо него и пролетел, прямо на сцену грохнулся. Ха-ха! Грохот был. Поначалу все посмеялись, а потом ничего, хлопками поддержали. С тех пор всегда смотрю, куда сажусь. Я так считаю, это к удаче, когда впервые выступаешь и со стула падаешь, – стало быть, карьера на взлет пойдет.

– Вы как-то об этом случае рассказывали в «Московском курьере», только ведь этот казус произошел не в Нижнем Новгороде, а в Тифлисе.

Обескуражить великого артиста было трудно.

– Может быть, и в Тифлисе. Всего-то и не упомнишь. Тогда я еще уроки пения брал у Рогатова.

Корреспондент быстро черкал карандашом в блокноте. Приподняв голову, он произнес:

– А может быть, не Рогатов, а Усатов?

Аристарх Ксенофонтович внимательно посмотрел на корреспондента, который уже откровенно ему докучал.

– Может, и Усатов, а только у меня всегда была плохая память на фамилии.

– А какие партии вы исполняли в последнее время?

– Когда выступал в частном театре Морозова, то пел...

Подняв голову, корреспондент удивленно спросил:

– Вы, наверное, хотели сказать, в Московской частной русской опере Мамонтова?

– Ну да, – удивленно протянул Аристарх Ксенофонтович, – я так и сказал. Вам что-то не понравилось?

– Извините меня покорнейше, – ответил газетчик, – мне просто послышалось.

– Так вот, когда я у Мамонтова в оперном театре выступал, то пел «Мефистофиля» Римского-Корсакова. «Фига-а-ро-о та-ам! Фига-а-ро-о zde-есь!»

– Ха-ха-ха! – добродушно рассмеялся репортер. – Я слышал, Федор Иванович, что вы большой шутник, но вот только никак не думал, что до такой степени. С вашего позволения, можно я напишу читателям про эту шутку?

– Валяй! – отмахнулся Аристарх. – Пиши что хочешь. Только мне сейчас с гаммами поупражняться бы нужно, а то подзабывать я их стал; а ты бы шел к себе, приятель. – И, широко открыв рот, затянул в голос, отчего у присутствующих мгновенно заложило уши.

Откланявшись, корреспондент ушел.

Аристарх Ксенофонтович поднялся и закрыл дверь на задвижку с твердым намерением больше никого не впускать.

– У-уф! Уморил!

– Уходить надо, говорю, – высказался Епифанцев. – Берем извозчика и едем!

– Так куда же мы сейчас поедem, Феоктист Евграфович? Мне как артисту положен отдых. После такого спектакля, как нынешний, мне бы два дня отсыпаться следовало. А потом почитательницы как бы, того... не разобиделись!

– Не разобидятся! – заверил Епифанцев. Подхватив чемодан, добавил: – Еще не хватает, чтобы нас тут кто-нибудь признал. Вот тогда нам точно будет не до путешествий.

Тяжело вздохнув, Аристарх Ксенофонтович подхватил небольшой кожаный чемоданчик, весьма напоминающий тот, в котором у земских врачей находятся медицинские инструменты и лекарства, и шагнул к двери.

– Только я умоляю вас, Аристарх, не представляйтесь в гостинице Шаляпиным. Народ там разный, часто очень ушлый, могут быть и такие, кто с артистом водят знакомство, так что держитесь от неприятностей подальше.

– Так куда мы?

– В Вологду поедем.

– Ха-ха! – весело рассмеялся Аристарх. – А не рано ли нам на Север? Одно дело – фараоны переправят, и другое дело по собственной воле угодить.

– Я уже договорился, нас там ждут. Афиши о предстоящем выступлении уже по всему городу развешаны, обещаю невиданный аншлаг!

– А далее куда?

– А далее по Северной Двине в Архангельск. Народ там не избалованный выступлениями, так что наше появление будет очень кстати.

Пианист довольно заулыбался.

– Десять лет назад это был мой любимый маршрут. Вы даже не представляете, господа, какие там делаются большие ставки! Пароход из Вологды до Архангельска идет три дня, и за это время я трижды наживал целое состояние и столько же раз спускал его.

– Ты бы лучше рассказал о том, как пришлось тебе удирать через иллюминатор.

– Было дело, – согласился Марк Модестович. – Удирал в одних подштанниках.

– Во-во! – с готовностью подхватил Епифанцев. – Вот таким я тебя и подобрал.

– За что я вам премного благодарен, – пианист приложил к груди ладони.

Загасив сигарету, поднялась Марианна.

– Что ж, я тоже пойду собираться.

Марк Модестович Краснощеков, тридцати пяти лет от роду, был высоким и сухощавым дядькой, нескладным и невероятно тощим. Когда он наклонялся или поворачивался, то невольно возникало ощущение, что должен послышаться скрип высохшего дерева. Да и голос его был с хрипотцой, невероятно сухой, напоминавший скрип несмазанной уключины. Несуразность его внешности забывалась немедля, как только он садился за рояль и извлекал первые аккорды. В этот момент не было слышно ни его трескучего голоса, ни картавости, из-за которой порой невозможно было разобрать, что же он хотел сказать. Бросалась в глаза лишь его одержимость, с которой он извлекал аккорды из рояля, составляя с инструментом единое существо. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: Марк Модестович учился в частном музыкальном училище Гнесиных и считался весьма даровитым молодым человеком. Его одаренность выделяла не только Елена Гнесина, весьма строгая особа, но и ее брат Михаил – ученик Римского-Корсакова. На последнем году обучения Марк должен был отправиться в Италию как один из лучших учеников для дальнейшего обучения теории музыки. Однако добраться до Италии ему не довелось – он влюбился в публичную женщину Ефросинью Мельникову, или просто Зизи, – бывшую актрису опереточной труппы московского театра «Аквариум». Отношения музыканта и Зизи развивались стремительно, там было множество цветов, страстей, кипящих через край, долгих объяснений и оправданной ревности. Однако это не помешало ему сделать Зизи предложение, которое она приняла после некоторого раздумья.

По выражению самого Краснощекова, следующий год после свадьбы был в его жизни наилучшим. Они организовали музыкальные номера, в которых Ефросинья пела, а он аккомпанировал ей на пианино. Со своими номерами они разъезжали по всей России и имели неплохой доход. Особый успех супруги имели на речных пароходах, где публика всегда была чувствительной к различного рода развлечениям. Так продолжалось до тех самых пор, пока на пути из Самары до Казани Ефросинья не приглянулась французскому маркизу Артуру де Сорсо. После двухчасового натиска, отличавшегося французской изысканностью и дерзостью, Ефросинья сдалась и все свободное время проводила в каюте маркиза. Надо думать, они занимались там не только светскими разговорами и праздным музицированием. В завершение путешествия

Ефросинья сошла с маркизом в Казани, пожелав прежнему сожителю столь же крепкой любви. А вскоре до Марка дошел слухок, что маркиз проиграл певицу в карты купцу первой гильдии Самсону Горохову, главе паровой компании «Самсон и сыновья». Дама не затерялась, некоторое время она была его приживалкой и затем сумела открыть доходный дом в Самаре, где проживает и поныне. Краснощекону не однажды хотелось навеститься к бывшей возлюбленной, вот только никак не хватало духу.

Весь следующий год Марк зарабатывал тем, что играл на улицах, пока на него не обратил внимание Феоктист Евграфович, он же и предложил ему поработать у него пианистом.

Неожиданно дверь приоткрылась, и в комнату вошла Марианна.

– Господа, вы слишком громко разговариваете и своим поведением вы привлекаете к себе внимание. А в нашем деле нужно быть очень осторожными.

Аристарх Ксенофонович поспешно шагнул навстречу вошедшей девушке.

– Марианна, душенька, как вы себя чувствуете?

– Пароход отходит через час. Так что у нас не так много времени. А вас я хочу, сударь, предупредить, чтобы вы не играли в карты, – посмотрела она строго на Аристарха. – Помните, что было в прошлый раз?

– Фрагментарно, – выдавил из себя певец.

Марианна была едва ли не единственным существом, которого он опасался.

– А я вам напомню. В прошлый раз вы проиграли всю свою долю, сударь. Так что если случится нечто подобное в этот раз, так можете на меня не рассчитывать.

Развернувшись, девушка ушла, оставив после себя аромат легких духов, замешанных на сигаретном дыме.

– Наше предприятие нужно расширять, – неожиданно высказался Епифанцев.

– Что вы имеете в виду, Феоктист Евграфович? – спросил Худородов, слегка нахмурившись.

– Гастроли Шаляпина – это, конечно же, хорошо, но в нашем коллективе должна быть женщина. Чарующая женщина, с магнетизмом, которую захотят увидеть все без исключения.

– Она должна быть популярной.

– Несомненно.

– И кого же вы имеете в виду?

– Я имею в виду певицу Мариинского театра Анастасию Дмитриевну Мальцеву, – торжественно обвел Епифанцев долгим взглядом соратников.

Анастасию Мальцеву называли «русской Золушкой», благодаря своему несравненному таланту она превратилась из простой горничной в одну из самых богатых и известных женщин России, а ее граммофонные записи расходились огромными тиражами. В России не было человека, который не слышал бы ее чарующего голоса.

– Вот как, – даже не пытался скрыть своего удивления Марк Модестович. – Надеюсь, что вы уже отыскали подходящую кандидатуру на роль Мальцевой?

– Да, я ее нашел.

– И кто же она?

– Эта женщина отлично поет, хорошо держится на сцене, она обладает знаменитой «мальцевской улыбкой», покорившей всю Россию. Уверен, она вам понравится. Впрочем, вы ее знаете, это Ефросинья Мельникова. – И, посмотрев на нахмурившегося Марка Модестовича, спросил: – Надеюсь, вы не будете возражать против такого решения.

– Не буду, – глухо произнес Краснощекон. Для него не было загадкой, почему его бывшая благоверная дала свое согласие на подобную аферу. В ней всегда жил дьяволенок, возможно, что она просто устала от семейного быта и решила окунуться в атмосферу праздника.

– Если вы как-то рассчитываете на меня, что я могу ее удержать, – пожал Марк плечами, – то напрасно. У нас с Фросей все кончено, я не имею на нее никакого влияния.

– Никто ни на кого не рассчитывает, здесь чисто коммерческий подход, – убедил Епифанцев. – Ее голос очень похож на голос Мальцевой, мы организуем ей концерты, от чего она будет получать свою долю. А это весьма неплохие капиталы, господа! Ефросинья пообещала привести свою подругу, певицу из опереточного театра, которая будет работать как итальянская актриса Каваллини.

– Узнаю свою благоверную, – невесело хмыкнул Марк, – она просто не может без приключений.

– Сейчас мы едем на пароходе, а выступления будем организовывать в крупных городах. Все уже подготовлено, в том числе и публика. А Ефросинья со своей подругой к нам присоединятся через два часа. – Посмотрев на часы, добавил: – Впрочем, уже через полтора.

Глава 3 ПРОПИВШИЙСЯ АРТИСТ

Не без труда разлепив глаза, Аристарх Ксенофонтович увидел, что на расстоянии вытянутой руки над ним навис потолок. Сердце болезненно сжалось: неужели каталажка? Последний раз нависающий свод он лицезрел ровно четыре года назад, когда в «Яре» решил утащить серебряные ложки (разумеется, в память о приятном времяпрепровождении). Однако во дворе заведения он был схвачен бдительными половыми и в изрядно помятом состоянии препровожден в полицейский околоток. Целую неделю Худородова продержали вместе с бродягами и нищими. Скученность в темнице была таковой, что спать ему пришлось на крохотном пятачке, подтянув под подбородок ноги. Так что его костюм и сорочка, купленные для парадных выходов, пришли в полнейшую негодность.

Если это каземат, то должен быть застоявшийся запах грязных тел, оставленный многими поколениями сидельцев, которым должны быть пропитаны все стены. Однако в помещении было свежо и даже как-то зябко. Лицо обдувал свежий ветерок. Обстановка была вполне сносной, если не считать страшной сухоты, которая буквально раздирала глотку.

Аристарх Ксенофонтович попытался вспомнить вчерашний день, но на ум не приходило ничего, кроме обрывочных размазанных воспоминаний. Самое яркое среди них: обнаженные женские плечи. Девица, с которой он провел вечер, очень напоминала буфетчицу Маньку из Ярославского театра (в прошлом году он околачивался там целый месяц); помнится, во время каждого антракта она угощала его пшеничным хлебом с маслом. При мысли о Маньке губы Аристарха Ксенофонтовича сами собой растянулись в блаженную улыбку: «Весьма сдобная барышня!» На какое-то время он даже позабыл о низко нависающем своде. Вскоре его мысли обрели прежнее направление: хотя, пожалуй, Манька будет поаппетитнее, а давешняя была еще не сформировавшаяся, будто воспитанница Бестужевских курсов.

В самом углу потолка Аристарх Ксенофонтович заметил небольшую плесень, по которой отважно полз усатый прусак.

А может, это подвал, куда его заперли половые за неоплаченный ужин? Подобная история приключилась с ним в прошлом году, когда он по доброте душевной пригласил в ресторан всю труппу Ярославского театра, позабыв при этом захватить кошелек. Разгневанный хозяин продержал его в подвале три дня на сухом мятке и, не добившись денег, велел выставить за порог без подштанников и не подпускать к заведению на пушечный выстрел. Впрочем, для Аристарха Ксенофонтовича это была небольшая потеря – из Ярославля он собирался в скором времени съезжать и возвращаться был не намерен.

И тут до его слуха докатилась мерная работа какого-то назойливого механизма, то и дело сбивавшего мыслительный процесс. Оглядевшись, он с удивлением обнаружил, что находится в небольшой тесной каюте, в которой с трудом умещались кровать и крохотный столик. Одно хорошо, что пребывал не в каталажке! Скверно другое – непонятно, что он здесь делает и куда направляется? Глянув в иллюминатор, Худородов увидел огромное, обитое жестью деревянное вращающееся колесо, пускавшее брызги во все стороны; крутой каменистый берег, на вершине которого стояла рыжая буренка с отощавшими боками, наблюдавшая за движением парохода.

Дверь вдруг отворилась, и в каюту протиснулся Феоктист Евграфович, взявший на себя роль опекуна.

– Где мы сейчас?

– На пароходе «Самсон». Катаемся по Москве-реке. Скоро к Москве пристанем.

– Вот оно что... Башка раскалывается, – признался Худородов, когда тот опустился на единственный стул.

Феоктист Евграфович лишь хмыкнул:

– Котелок-то ваш, чай, не чугунный. Как же ему не болеть, когда вы, милостивый государь, выпили зараз четыре бутылки мадеры, а потом еще водочкой усугубили.

События минувшего дня понемногу стали приобретать контуры. Вот только собрать их в единое целое не удавалось, уж слишком расплывчатыми были очертания. Помнится, пустые бутылки швыряли с верхней палубы в воду на дальность, и из восьми претендентов на главный приз – ящик шампанского – он одержал безоговорочную победу.

– А как же закусь? – неуверенно спросил Худородов. – Не мог же я без еды водку жрать. Феоктист Евграфович только скривился:

– А вы, милостивый государь, заявили во всеуслышание, что черная икра с пшеничным хлебом не для таких великих артистов, как вы. И в Париже вам яства подавали куда похлебосольнее.

Аристарх Худородов невесело кашлянул. Оглядев себя, он с удивлением увидел, что вместо атласной сорочки с вышитыми красными петухами, купленной на прошлой неделе в Гостином дворе за пятьдесят рублей, на нем было серое с темными пятнами рубище, с узким свалвшимся пояском, в каком обычно божьи странники отправляются по святым местам.

– А это что еще за чудеса? – удивленно спросил Худородов, потянув за короткий конец пояса.

В голове чего-то не складывалось, чем больше он трезвел, тем больше оставалось загадок.

– А это вы, батенька, – с ехидцей заговорил Феоктист Евграфович, – утверждали, что пресытились светской жизнью, что надоело вам вести праздный образ жизни, как блохе безбожной, и вы желаете быть чернецом в Соловецком монастыре. Что, дескать, все в вашем роду были монахами и божьими странниками, и вы от них отставать не желаете.

– Да ну?! Неужели так и сказал? – удивленно вытаращил глаза Аристарх.

– Так и сказал.

– А рубище откуда взялось? Неужто какого-то монаха раздел?

– А рубище, батенька, вы купили у какого-то бродяги за сто пятьдесят рублей, а еще в придачу ему и свою сорочку отдали.

– Ту, что петухами расшита? – убито спросил Худородов.

– Ее самую, – кивнул Феоктист Евграфович.

Худородов неодобрительно покачал головой: чего только не учудишь по пьяному делу. Ладно, хоть без побоев из этого беспамятства выбрался, а то, бывало, рожу набьют, а кто посмел руку на артиста поднять, так и не вспомнишь.

– А ты чего смотрел, когда я рубашку отдавал? – укоризненно спросил Худородов.

– А я в это время вас за ноги держал, батенька, когда вы орали, что нет больше моченьки в безбожии жить и что вы желаете реку тотчас переплыть, чтобы поближе к святым местам быть.

Лицо Аристарха заметно скисло, на нем было написано, что в ближайшие сутки он попробует обойтись без продолжительного возлияния. Однако удручающее выражение вскоре прошло.

– Видишь, Феоктист Евграфович, как я к святости тянусь, – не без гордости протянул он. – Сложись все иначе, так я уже наверняка архиереем бы сделался. Святым посохом путь веры грешникам указывал бы. Значит, не настолько я грешен, как в мыслях своих. А то, стыдно говорить, мне всю ночь голые бабы мерещились.

– А они и не мерещились, батенька, – разубедил Епифанцев, – вы ведь всю ночь с голыми бабами провели, только под самое утро я их метлой вытурил. Неужто ничего не помните?

Худородов виновато захлопал глазами, еще один ребус, который предстояло решить. Голова так и лопается от напряжения.

– Бабы плечи помню, а вот остальное... нет, – честно признался Аристарх Ксенофонтович. – Ишь ты, чего они, проклятушие, с мужиками выделявают, – прогудел он уважительно. –

Видать, день сегодня не заладится. Ты бы вот чего, Феоктист Евграфович, принес бы мне рубашку, не шастать же мне по пароходу в этом рублище.

– Это какую же? – ехидно прищурился Епифанцев.

– Желтую шелковую.

– Так и ее тоже нет, сударь, – злорадно развел руками Феоктист Евграфович.

– Это отчего же? – подивился артист, задумчиво почесывая широкой пятерней макушку.

– А оттого, милостивый государь, что вы ее тоже отдали. Так и кричали на весь пароход, что великому артисту, как вы, не подобает в таких одеждах хаживать. Что будто в вашем имении в Париже две дюжины шкафов костюмами и смокингами забиты. Что будто бы вы каждый день новую одежду надеваете.

– Так и сказал? – пуще прежнего подивился Аристарх Ксенофонович.

– Так и сказали, батенька, – уверил Епифанцев. – А чего же не сказать – ясное дело, язык-то без костей. Мы, в отличие от вас, по всяким Парижам не разъезжаем, вот потому и ходим в чем бог послал, – потянул он пальцами за отворот зеленого сюртука.

– Так что же мне, так и шляться, что ли, по пароходу в этом рублище? – невесело протянул Аристарх Ксенофонович. – Чай я не босяк какой-нибудь, я бас всея Руси! Сам Федор Иванович Шаляпин, – произнес он величаво, ткнув перстом в небо.

– Полноте вам, батенька, – отмахнулся Феоктист Евграфович. – Вам бы нотную грамоту подучить, а то орете, как лось во время гона! А рубашку возьмите, – бросил он на кровать косоворотку. – Это, конечно, не фрак, коими у вас в Париже все комнаты забиты, но у нас в России нынче все так ходят.

Прозвучал длинный гудок: капитан поприветствовал идущий по встречному курсу пароход – точную копию «Самсона». На открытой третьей палубе с зонтиками в руках прохаживались дамы в длинных белых платьях. Барышню, находившуюся у самого борта, Аристарх сумел рассмотреть в деталях: молодая, какой может быть только гимназистка седьмого класса, с длинной гибкой шеей, как у лебедушки, и с подчеркнутой талией. Она помахала проходящему пароходу узкой кистью и спряталась за надпалубные надстройки. В борт ударила встречная волна, слегка колыхнув пароход.

Надев косоворотку, Худородов глянул в зеркало. На вид обыкновенный купчина, каких только на одном пароходе наберется полтора десятка.

– Где же мой портфель? – завертел артист лохматой головой.

– А зачем он вам, батенька? – хмыкнул невесело Епифанцев.

– Надо бы того... опохмелиться! А то жар внутри такой, что житья никакого! Будто бы печь! У меня там гонорар лежит.

– Только ведь нет более портфеля, – развел руками Феоктист Евграфович.

– То есть как нет?! – едва не подскочил на месте артист.

– А вот так, нет... Давеча вы сели в покер играть с одним капитаном-кавалеристом – так продулись враз! Поначалу вам везло, на целую тысячу его обыграли, а потом целых шесть отдали.

– Так что же вы меня не оттащили? – обиженно прогудел артист.

– Да разве такую махину оттащишь? – не на шутку осерчал Епифанцев. – Я за левую руку держу, Марк Модестович за правую тянет, а ты нас как котят с себя сбрасываешь и дальше играешь. Марианна даже подходила, так вы и ее не послушали. Совестно, право! – покачал он головой.

Прошедший день понемногу приобретал все более отчетливые рисунки. Откуда-то из закоулков подсознания, едва покачиваясь, выплыл игральный стол, на котором был разложен полукругом аккуратный пасьянс. Со стороны он сумел рассмотреть даже себя, нервно поглядывающего на «открытые магазины». А над картами нависала круглая физиономия кавалериста с широкими черными усами.

– Неловко как-то, – согласился Худородов. – Так что же делать?

– А чего вам делать еще, милейший? – усмехнулся Епифанцев. – Для вас ведь три тысячи рубликов – это всего лишь скорлупки от орешков. Вы же так и кричали, что по всей России у вас две дюжины доходных домов, не считая трех заводов мануфактуры. Коли уж вы так богаты, так, может быть, поделились бы с нами, со своими компаньонами?

Аристарх Ксенофонтович только отмахнулся.

– Какое там! Мне бы сейчас хоть на чарку наскрести. Может, уважишь, Феокист Евграфович, а уж я твое добро не позабуду!

– Ладно, сочтемся, – кивнул Епифанцев. – Будет тебе чарка. А это что за газета? – показал он на стол, где лежал вчетверо сложенный замасленный листок.

– Сам-то я газет не читаю, – сказал артист. – Видать, от капитана осталось, когда он на ней воблу резал. Человек он военный, следит за новостями.

Аристарх Ксенофонтович даже улыбнулся, довольный тем, что память понемногу возвращалась.

Феокист Евграфович поднял со стола газету, прочитал название: «Московский вестник». Именно в ней отражались наиболее значимые события прошедшего дня. А таких, судя по количеству написанного, набиралось немало. Не было дня, чтобы в губернский город не заглянула какая-нибудь знаменитость или значимая персона, которой непременно отводилось немало газетных полос. А уж торжествам – юбилеям важных особ, свадьбам их отпрысков, балам, устраиваемым губернатором, – отводилась целая страница, где непременно расписывалось, в какие именно наряды были одеты гости. Подсчитывалось число украшений – бриллиантов с изумрудами, – которые были на дамах. Порой на балах набиралось такое огромное количество украшений, что они свободно могли бы соперничать с Алмазным фондом.

И уже ниже, в конце четвертой страницы, давались объявления разного толка. По большей части преобладали объявления о знакомстве на предмет создания крепких (но часто и необязательных) отношений с молодым человеком (барышней). Здесь же женщины искали серьезного покровителя, а мужчины – воплощение своей мечты. Нередко им удавалось встретить именно то, чего они желали. Здесь же помещались объявления разного толка: начиная от продажи египетских котят до корма для «говорящих попугаев». В этот раз внимание Епифанцева привлекло объявление:

«Чиновник с восьмилетним стажем и непорочным формуляром с окладом в 150 руб. уплатит 1000 руб. всякому лицу, который отыщет для него место с окладом в 250 руб. Предложения прошу высылать по адресу Ямская, дом. 14, кв. 5».

На этой же странице, только несколько ниже, Феокист Евграфович прочитал еще одно объявление:

«Срочно продаю родовое имение на Подколокольном переулке. Дом князя Курагина».

Свернув газету вчетверо, Феокист Евграфович довольно хмыкнул:

– Ну, чего разлегся тут, бас ты наш косолапый, поднимайся! Дело у меня в Москве имеется.

– Чарочку бы поднести... – взмолился Аристарх Ксенофонтович.

– Будет тебе чарочка, только ты давай поторапливайся! Через час в Москве выходим!

Выйдя из каюты, Феокист Евграфович заторопился на палубу, где его ожидала Ефросинья Мельникова с подругой. Неделю назад они побывали в Елабуге, где Фрося, представившись знаменитой Анастасией Мальцевой, устроила три концерта. Успех был ошеломляющим! Публика заставляла ее бисировать по пятнадцать, двадцать раз. На сцену вместе с букетами летели деньги, которые просто собирали в большие корзины, а один из поклонников подарил певице огромный букет, сделанный из пятисотрублевых. Фросе предстояло выступить еще в Нижнем Новгороде, уже облепленном огромными афишами о предстоящих гастрольях знаменитой Анастасии Мальцевой.

На палубе Феоктист Евграфович увидел Краснощекова, о чем-то разговаривающего с Ефросиньей.

– Вот что, Марк, мне с Аристархом нужно будет задержаться на некоторое время в Москве...

– Неожиданно как-то.

– Намечается интересное дельце, уж не хотелось бы отказать себе в удовольствии... А ты давай езжай по «железке» в Нижний вместе с дамами. Остановишься в «Парижском подворье», там все предусмотрено. Проведешь два концерта – и назад!

– Может, сделаем три? Публика ее хорошо встречает.

– Не стоит. Слишком рискованно.

– Может, все-таки подключить Аристарха?

– Слишком непредсказуем наш Шаляпин; да и намозолили мы с ним глаза по всей России-матушке, не ровен час, полиция заинтересуется. Помнишь, как его журналист пытал?

– Помню.

– Не нравится мне все это!

– Меня тоже насторожило.

– А Мальцева – человек новый, но давно на слуху, а видеть ее мало кому доводилось.

Не подведешь?

– Сделаю все, что смогу, Феоктист Евграфович.

Кивнув на прощание, Епифанцев заторопился в каюту.

Глава 4

СЫСКНАЯ ПОЛИЦИЯ

Московская сыскная полиция находилась в Большом Гнездниковском переулке, в сорок восьмом околотке, расположенном к северо-западу от центра Москвы. Квартира начальника сыска размещалась на втором этаже, откуда открывался вид на Тверской бульвар. Окна рабочего кабинета выходили во внутренний дворик, в котором всегда царил покой.

Григорию Васильевичу Аристову и раньше приходилось бывать в этом огромном помпезном здании, как в качестве рядового сотрудника сыска, так и в качестве надзирателя сыскной полиции, но он никогда не предполагал, что может войти сюда в качестве хозяина. Однако с соизволения государя императора подобное случилось, и в прошлом месяце он вступил в должность начальника Московской сыскной полиции.

Вскоре Аристов взял себе за обыкновение прохаживаться по его длинным коридорам, смотреть через окна и наблюдать за прохожими, в чем он находил вдохновение. Особенно ему нравилось смотреть на МХАТ, и он даже всерьез подумывал о том, чтобы перенести служебную квартиру именно на эту сторону. На краю тротуара стояла огромная афишная тумба, на которой расклеивали репертуар театра, так что Григорий Васильевич всегда был в курсе бенефисов ведущих артистов. И уже дважды наведался в театр в новом чине.

Несмотря на завидную должность, работы было не в пример больше. Одно дело надзирать за собственным участком, и совсем иное – следить за порядком по всей Москве, где одних только домушников наберется тысячи полторы. Не проходило дня, чтобы не свершилось какое-нибудь серьезное правонарушение. Но особенную неприятность доставляли Хитровский рынок и Сухаревка – скопище разного сброда. В богадельнях, коих там существовало немереное количество, сходились бродяги едва ли не со всей России, а беглые каторжники легко отыскивали приют в его глубоких подвалах.

Судя по представленной статистике, положение в городе было удручающим. За прошедшие сутки было ограблено четыре ювелирных магазина (и это едва ли не в самом центре Москвы!). Взломано было восемнадцать бакалейных лавок, совершено три подкопа под рестораны, откуда было вынесено только серебряной посуды на пятьдесят тысяч рублей! А уж мелкие нарушения и вовсе не поддавались счету: только на Александровском вокзале было совершено полтысячи краж. И надо было признать, что это далеко не полный перечень. Особенно вольготно чувствовали себя мошенники и разного рода аферисты, главной добычей которых были провинциалы, приехавшие в Москву поглазеть на исторические достопримечательности.

Хмурый, недовольный собственными начинаниями, Григорий Васильевич, заложив руки за спину, прохаживался по длинным коридорам сыскной полиции. Он заходил к себе в кабинет, когда у самой лестницы услышал чей-то раздосадованный возглас.

Аристов подошел поближе и увидел, как охрана, стоявшая у дверей, пыталась задержать невысокого полного мужчину лет сорока пяти. На все просьбы явиться в утреннее время он яростно протестовал и требовал, чтобы его принял кто-нибудь из высокого начальства, причем немедленно, а было бы лучше всего, чтобы его делом занялся начальник сыска.

Полицейские терпеливо и с подобающим тактом, придерживая его за локотки, пытались вывести из здания, но он, крепко уцепившись за дверной косяк, не желал выходить.

– Что у вас там происходит? – добавив в голос суровости, спросил Григорий Васильевич.

– К вам рвется, ваше превосходительство, – ответил один из полицейских – высокий, с благодушной простоватой физиономией. Не теряя бдительности, он продолжал держать посетителя за рукав, как если бы опасался каких-то роковых неожиданностей.

– И что ему надобно?

Дернув плечом, полицейский объяснил:

– Говорит, что дело какое-то безотлагательное. Мы ему говорим, подожди до завтра, а он ни в какую не слушает, ваше превосходительство!

Посетитель, с взъерошенным чубом и в помятом жакете, напоминал базарного воришку, пойманного с поличным.

– В чем дело, милостивый государь? – спросил Григорий Васильевич, спускаясь. – Да отпустите вы его, ради бога! Куда же он денется!

Полицейские отпустили, но отходить не пожелали, предусмотрительно и с настороженностью поглядывали на нежданного посетителя.

– Тут такое дело, – повернулся мужчина к Аристову...

– Вы бы представились поначалу, голубчик, а то я ни вашего имени, ни вашего чина не знаю.

– Коллежский секретарь Вениамин Павлович Кирсанов, казначей Коломенского уезда... А еще я журналист. Пишу статьи для местной газеты.

– Весьма любопытно, сударь. И какое же дело подвигло вас обратиться именно ко мне? Неужели растрата? Ежели так, я бы вам посоветовал адресоваться в свой уезд. Там служит мой хороший приятель Павел Заславский; думаю, он вам будет весьма полезен.

Мужчина уже полностью освободился от опеки полицейских и бодро заговорил:

– Ваше превосходительство, я к вам совершенно по другому поводу. Так сказать, по певческому.

Григорий Васильевич слегка загрузил. За время службы в полиции ему приходилось встречаться с людьми разных сословий, характеров и чинов. Казалось, к подобному следовало бы уже привыкнуть, однако всякий раз находилось нечто такое, чему следовало бы подивиться. К нему обращались с делами о грабежах, требовали отловить мошенников и разного рода аферистов, не в диковинку были дела о душегубствах. Но чтобы певческие... О таком он слышал впервые.

Может быть, какой-нибудь сумасшедший?

Всмотревшись в посетителя, отметил: «Кажись, в себе, вроде бы и не пьян».

– Так, стало быть, сударь, вы поете? – угрюмо поинтересовался Аристов.

– Пою не я, а Федор Шаляпин, – произнес мужчина.

Следовало заканчивать расспросы, малый заговаривался, еще неизвестно, как он поведет себя в следующую минуту.

Григорий Васильевич посмотрел на полицейских, державшихся настороже. Нужно выбрать удачный момент, чтобы дать им знак, – и пусть они препроводят посетителя в сумасшедший дом.

Что поделаешь, работа начальника полиции сопряжена вот с такими незапланированными визитами.

– Разумеется, у него голосище ого-го какой! – охотно подхватил начальник полиции, подыгрывая, при этом стараясь не вывести гостя из добродушного состояния. – Мне как-то приходилось бывать на его выступлении в Мариинском театре, так он своим талантом произвел на меня неизгладимое впечатление.

Как бы незаметно Григорий Васильевич отступил немного в сторону, давая себе возможность для маневра. Оставалось только махнуть рукой, чтобы спровадить непрошеного гостя с лестницы управления. Посетитель напирал. Глаза его округлились, речь сделалась разгоряченной.

– Вот и я о том же. Месяц назад приехал к нам в город Шаляпин. А как потом выяснилось, в действительности полнейший самозванец!

Аристов насторожился. Дело принимало неожиданный оборот.

– Самозванец? Да что вы такое говорите?

– А то как же! Спел свои партии и укатил потом на пароходе.

– Так откуда же вам, батенька, известно, что он самозванец?

– Как просвещенный человек, я читаю не только нашу уездную прессу, а еще выписываю столичные и московские газеты. А в одной из них было сказано, что в настоящее время Федор Иванович Шаляпин выступает с концертами в Вене! Это как же тогда получается? Не мог же он одновременно быть у нас в Коломне и в Вене.

– Пожалуй, что не мог, – призадумался Аристов. – А как же вы его сами не разоблачили-то?

– Да уж больно он похож на настоящего Шаляпина... по фотографиям. А голосище такой зычный, будто паровозный гудок. А вот когда затянул «Дубинушку», так у меня мороз по коже пробежал. Думаю, как же это он так здорово голосищем-то играет!

– И ни разу в нотах не ошибся?

– Я ведь человек образованный, – не без достоинства ответит Вениамин Кирсанов. – Сам немного музицирую, на фортепьяно упражняюсь, на гитаре играю, одно время даже учился у господина Лоренцо Фернандеса, известного испанского гитариста, он к нам в город приезжал по случаю. – Кирсанов сделал паузу, давая возможность Григорию Васильевичу вспомнить известную фамилию, но тот, вопреки ожиданию, выжидательно молчал. – За каждый урок по полтора рубля отдавал, – протянул он не без гордости.

Григорий Васильевич понимающе кивнул. Сумма и вправду впечатляла. Окажись у него подобные деньги, он сумел бы распорядиться ими куда более мудро.

– Так вот... Поначалу мне показалось, что он как-то не в лад поет. Но потом ничего, как-то свыкся. Он ведь все более голосищем брал, а потом, когда запел «Блоху», так я и вовсе уверовал.

– Итак, что же вы от меня хотите, сударь? Где же я буду его искать, ежели ни о каких концертах Шаляпина я больше не знаю?

– А его и не надо искать, – горячо заговорил Вениамин Павлович, – он в Подколокольном переулке находится, в доме шесть, важным господином представляется. Усищи большие, рыжие, как меня увидел, так сразу в сторону стал смотреть. Узнал, шельмец, вот только разве от меня укроешься!

– Что-то я вас не совсем понимаю, сударь. Как же это он из Шаляпина в важного господина переделался, как вы изволили выразиться? Что-то тут не вяжется. Что же вы мне предлагаете, арестовать его и в каталажку отвести? А на каком основании? На том, что он на Шаляпина похож?

– Если вы не проверите, так они скроются. Еще там другого типа видел; худой такой, как оглобля, с длинными волосами, он у него пианистом был. Как есть шайка!

– А как вы оказались в Подколокольном переулке, ежели сами вы из Коломны?

– Моя сводная сестра живет в Москве, замужем за надворным советником, – живо продолжил Кирсанов, – он при Министерстве финансов служит. Их квартира всего-то в трех кварталах, вот я и прогуливаюсь немного.

Григорий Васильевич призадумался.

– Хорошо, разберусь я с этим делом. А сейчас ступай, милок. – Щелкнув крышкой карманных часов, добавил: – Мне еще поработать нужно.

Подождав, пока полицейские выпроводят Кирсанова, Григорий Васильевич поднялся этажом выше, где размещалось отделение наружного наблюдения, и, поманив к себе плотного человека с непроницаемым лицом, спросил:

– Иннокентий, ты ведь у нас из околоточных надзирателей?

– Точно так, ваше превосходительство.

– Чего же ты вдруг в филеры подался?

– Сыском хотел заниматься.

– Сыском, говоришь...

- Так точно, ваше превосходительство!
- Стало быть, ты школу полицейской стражи закончил?
- Точно так, ваше превосходительство, закончил! Как пришел из армии, так сразу туда и подался.
- Ишь ты, как интересно! И чему же тебя там учили?
- Многому... С револьверами обращаться, гимнастике, а еще в шашки играть.
- В шашки, говоришь? Забавно!
- Наверное, для того, чтобы соображалось легче.
- А наукам каким обучали?
- В основном арифметике. Должны были знать четыре действия над простым числом.
- Получалось?
- По арифметике я в школе лучший был, – не без гордости отвечал Иннокентий. – И по диктанту хорошие отметки получал.
- Вижу, что ты парень весьма подкованный и с заданием справишься. Сделай вот что: понаблюдай за домом шесть в Подколокольном переулке. А потом напишешь мне подробный доклад.
- А что, там злоумышленник?
- Возможно, что и так. Напишешь, кто там живет, чем они занимаются. Особенно меня интересует хозяин.
- И когда же начинать?
- А прямо сейчас! Так что давай, топай. Желаю тебе успеха!

Глава 5

НЕОЖИДАННОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Пошел уже восьмой год, как Терентий Платонович Мисаилов работал в Департаменте имущества города. Надо признать, место было неплохое, а для человека, закончившего только гимназию, и вовсе являлось пределом мечтаний. Обычно его занимают молодые люди после окончания университета, но для них это всего лишь начальная ступень в карьере; для него же это должность, с которой он будет вынужден уйти на пенсию.

Особенно удручало то, что молодые люди ловко прыгали по служебной лестнице. А те, с которыми он начинал, уже добрались до надворных советников, а один из них был даже отозван в столицу, где был в чине коллежского советника. Сам же он продолжал оставаться в чине секретаря безо всякой надежды на карьерный рост. Впрочем, жалованья вполне хватало на то, чтобы содержать свою семью: жену с десятилетней дочкой, а еще от папеньки остались небольшие накопления, которые он вложил в ценные бумаги, что также приносило неплохой процент; и единственное, что оставалось, так это удовлетворить собственное честолюбие.

А оно, надо признать, переливалось через край!

И вот однажды, пролистывая «Московский вестник», который буквально пестрил различного рода предложениями, Терентий Платонович подумал, а почему бы ему самому не подать объявление о помощи в трудоустройстве на хорошее место, пообещав за хлопоты солидное материальное вознаграждение.

Уже на второй день после опубликования объявления в квартиру Терентия Платоновича негромко постучали. Открыв дверь, он увидел на пороге высокого худого мужчину в добротном черном костюме и такого же цвета котелке. Протянув небольшой плотный конверт из желтой бумаги, он проговорил:

– Я к вам по поручению от князя Курагина. Он сказал, что посодействует в вашем деле.

Сердце Терентия Мисаилова затрепетало от радости.

– Вот как!

– Именно... Он приглашает вас явиться по адресу, указанному на конверте.

Раскланявшись, посылный ушел.

Терентий Платонович прочитал адрес: Подколокольный переулок, дом шесть. Он прекрасно представлял дом, принадлежащий князю Курагину и доставшийся ему по наследству от покойного батюшки, облюбовавшего живописнейшее место лет тридцать назад. С высоты Ивановской горки хорошо просматривались низменные берега Яузы, которые особенно были великолепны в осеннюю пору. Кроме аристократии, селились здесь люди богатые, в основном промышленники и купцы, умевшие ценить красоту. В этот район, расположенный особняком от общей части города, с резными изгородями и литыми чугунными заборами, с аккуратными палисадниками, в которых произрастала сирень и распускались розы, Терентий Платонович ходил как на экскурсию и тешил себя сладкой мыслью о том, что когда-нибудь приобретет здесь дом. Пусть не такой огромный, как у князя Курагина или как у купца первой гильдии Никифора Христофоровича Чернова, владевшего соляными приисками на Каспийском побережье, а значительно меньше, и вот тогда можно было бы считать, что жизнь его во многом состоялась.

А особняк князя Курагина стоял немного в сторонке от остальных, с большущей площадью и роскошным яблоневым садом, выгодно отличаясь даже от самых знатных строений. И вот сейчас ему предстояло перешагнуть порог едва ли не самого известного дома в городе.

Терентий Платонович поймал себя на том, что был слегка взволнован, а смятение показывать не полагалось. Всем своим видом он должен внушить, что хаживать в подобные дома для него дело вполне обыкновенное.

Подумав, Мисаилов решил подкатить к княжескому дому в крытом экипаже, стоившем на целый гривенник дороже обычного. И непременно, чтобы рысак был вороной масти и в белых яблоках.

Подходящий экипаж отыскался на Воскресенской площади. Рысак был огромен, едва ли не в человеческий рост. Заплатив полтину сверху, Терентий Платонович повелел кучеру мчаться во весь опор, и тот, понимая пассажира, гнал повозку по узким улицам, не забывая хлестать направо и налево нерадивых. С оглашенным ором: «Тпру!» остановился у самого крыльца и, приняв с поклоном щедрые чаевые, так же лихо укатил, как и прибыл, помахивая длиннющей, в три хвоста, нагайкой.

В окне второго этажа дернулась занавеска, на какое-то мгновение предстала вытянутая физиономия, и Терентию Платоновичу очень хотелось верить, что это был князь Курагин.

Поднявшись на крыльцо, Мисаилов коротко позвонил. Дверь открылась не сразу, где-то в глубине комнат, преодолевая многометровое пространство холла, раздались негромкие шаги, затем уже ближе – сдержанный кашель, а потом дверь распахнулась, и он увидел высокого человека. Широкой черной бородой и горделивой осанкой он мог сойти за генерала или, во всяком случае, за какого-то важного сановника, если бы не золоченая ливрея швейцара.

– Вот что, голубчик, доложи своему хозяину, что прибыл господин Мисаилов... по очень важному делу.

– Его сиятельство уже ждут вас, – произнес швейцар и поспешнее, чем следовало бы для столь знатной фигуры, отступил в сторону. – Давайте я вас провожу.

Разумеется, Терентию Платоновичу приходилось бывать в богатых домах, в основном по роду своей службы (правда, знакомство с такими домами не заходило дальше передней), а однажды он был даже приглашен на бал, что организовал купец первой гильдии Ерофеев. В самом начале бала ему стало дурно, и он ушел, но все же он имел некоторое представление, какое богатство может содержаться внутри. Но он никогда не подозревал, что внутреннее убранство дома может быть столь роскошным. Казалось, тщательнейшим образом была продумана каждая мелочь: от слоников, стоявших на рояле, до тяжелых портьер на огромных окнах.

Поднялись на второй этаж и остановились перед высокой широкой дверью из красного дерева. Швейцар негромко постучал.

– Емеля, я же говорил, что сильно занят, и просил меня не беспокоить, – раздались из комнаты зычные раскаты.

– Ваше сиятельство, так вы же сами наказывали...

– Ах, да! – прозвучал из-за двери несколько рассеянный голос. – Войдите!

Швейцар распахнул дверь. Преодолевая накатившую робость, Терентий Платонович вошел в комнату. За огромным столом, вырезанным из дорогих темно-красных пород дерева, сидел обладатель зычного и властного баритона. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять – перед ним сидел важный государственный сановник, а их за время службы Терентий Платонович насмотрелся предостаточно.

Поднявшись из-за стола, князь величаво зашагал к оторопевшему Терентию Платоновичу и, мягко пожав его руку, сдержанно представился:

– Князь Курагин, Иван Федорович.

– Дворянин Мисаилов, помощник делопроизводителя канцелярии, – промямлил Терентий Платонович, чувствуя, что язык прилип к небу. Именно так и должен выглядеть вершитель судеб: величаво, важно, а голосище должен иметь такой, что на хрустальных люстрах позвякивают подвески.

– Прошу вас, – показал князь на свободный стул.

Привычно, как и подобает человеку его ранга, устроился за столом, положив крупные руки на зеленое сукно.

– Стало быть, вы и есть Терентий Платонович? – загудел князь.

– Именно так, ваше сиятельство.

– На вид вы совершенно не бедный, так что же заставляет вас искать более высокое жалование?

– Ваше сиятельство, человек я действительно не бедный, – признался Мисаилов. – Деянием моих богобоязненных родителей мне оставлен кое-какой капитал, его вполне хватает, чтобы содержать семью, а летом съездить куда-нибудь на воды. – Князь понимающе закивал. – Но беда в том, что я честолюбив, мне бы хотелось продвинуться по службе, а у меня не получается, – развел он руками. – Вроде бы я и работаю не меньше, чем другие, а даже больше, но начальство проталкивает на повышение других, имеющих университетский курс образования, меня же все время задвигает.

Князь Курагин сделал озабоченное лицо. Нижняя губа поджалась, обозначив в уголках губ две длинные властные складки.

– Собственно, я так и полагал, – слегка качнул князь холеной головой. – Честолюбие, пожалуй, единственная причина, что могла бы такого человека, как вы, просить повышения. Впрочем, для молодости это вполне нормальное явление. Я могу помочь вам в этом вопросе...

– Премного благодарен! – радостно воскликнул Терентий Платонович, потянувшись к бумажнику, где у него лежала заготовленная сумма. Кто бы мог подумать, что вопрос, который занимал его столько лет, может разрешиться столь быстро.

– Не торопитесь, – мягкими интонациями остановил Курагин своего гостя. – Все не так просто, как может вам показаться... У меня имеются действительно очень большие связи в правительстве, есть определенный опыт в подобных делах. Некоторым людям в свое время я очень помог, и сейчас они находятся на самом вершине, – поднял он глаза кверху. – Так что они посчитают за честь помочь мне в таком деликатном вопросе. Позвольте задать вам вопрос, а кем вы себя видите?

– Меня бы вполне устроил чин коллежского асессора.

Князь понимающе покивал головой.

– Чин неплохой... А должность столоначальника как вам? – испытующе посмотрел князь Курагин на своего гостя.

– Ну-у...

– Дело в том, что именно сейчас в одном департаменте освободилась подобная должность, и мой хороший приятель ищет под нее подходящего человека.

В горле у Терентия Платоновича запершило: это куда больше, чем он предполагал (один только оклад на пятьсот рублей потянет!), даже не каждый выпускник университета может похвастаться такой карьерой. Он сделал над собой немалое усилие, чтобы не раскашляться.

– Если это возможно, то я буду вам очень признателен.

– Признательность, конечно же, вещь весьма хорошая, – легко согласился князь. – Но любая большая должность требует дополнительных усилий, а следовательно, дополнительных расходов. Вы не находите? – прищурившись, князь посмотрел на своего гостя.

– Да. Разумеется, я готов к тратам...

– Право, вы немного недооцениваете ситуацию, – серьезно произнес князь Курагин. – К хорошему месту без трех тысяч рублей и не подступишься. Ведь должность столоначальника вы можете окупить только за два-три месяца, а так не годится... Слишком велик риск с моей стороны. А потом, на карту поставлена моя репутация. Мое правило такое: я беру за год оклада, – широкая ладонь мягко опустилась на сукно. – Разумеется, после того, как вы вступите в должность... Вы готовы к таким расходам?

Стараясь не показать смущения, Терентий Платонович ответил:

– Почему бы и нет, если место и в самом деле достойное?

– Что ж, в таком случае мы с вами поладим. Кстати, а к каким именно делам расположена ваша душа? Где вы могли бы, так сказать, полнее раскрыться?

– Мне трудно даже сказать...

– А вы не стесняйтесь, говорите, – подбодрил князь. – Все-таки сюда вы явились именно для этого.

– Ну-у, мне бы куда-нибудь поближе к градоначальнику.

– Угу... Вполне похвально! Для такого молодого и талантливого человека, как вы, это самое место. К тому же интересная работа... Так сказать, масштаб! Но здесь имеется одна небольшая загвоздка, – показал князь большим и указательным пальцем размеры той самой загвоздки. Как видел Терентий Платонович, она и в самом деле выходила весьма небольшого размера.

– Что же именно? – спросил он с волнением.

– Ваше образование, сударь, точнее, его отсутствие. У нас ведь принято ставить на хорошие места людей с университетским дипломом. Хотя, на мой взгляд, это не всегда справедливо. Ведь имеются весьма способные люди, которые остаются в тени только потому, что не пожелали в свое время продолжить образование. Хотя по их возможностям им пристало стоять во главе крупных городов, а то и возглавлять целые губернии.

От представившихся возможностей у Терентия Платоновича перехватило дух. Задумавшись, князь между тем вдумчиво продолжал:

– Я могу предложить вам весьма хорошее место, скажем, столоначальника какого-нибудь центрального учреждения, которое вы можете занять, ну... хоть завтра! Достаточно лишь отправить курьера с запиской, и оно будет ваше! – Терентий Платонович нервно слотнул. – Но весь вопрос заключается в том, устроит ли оно вас, скажем, через три года или хотя бы через год? Вы опять будете вынуждены обратиться ко мне, и я снова должен буду решать возникшую проблему, а это с вашей стороны дополнительные траты. А потом могут возникнуть проблемы личного характера...

– Это какие же, ваше сиятельство?

– Вокруг вас будут люди с высшим образованием, они станут на вас косо поглядывать, у вас могут возникнуть напряженные отношения с коллегами, что в свою очередь значительно скажется на вашем дальнейшем продвижении. Пожалуй, в этом случае вам не дадут ходу.

– Может быть, вы что-нибудь подскажите, ваше сиятельство?

Призадумавшись малость, князь ответил:

– Я бы вам посоветовал продолжить свою карьеру где-нибудь в провинции. Скажем, Саратовская губерния вас устроит?

– Как вам сказать, – замялся Терентий Платонович, – все-таки я привык к Москве. Здесь я родился, провел всю жизнь... Здесь у меня товарищи, приятели. Родственники, наконец...

Губы князя сложились в трубочку:

– Я вас прекрасно понимаю. Но что вы скажете, если я вам предложу место начальника губернской канцелярии?

– Вы это серьезно? – едва не задохнулся от восторга Терентий Платонович.

Князь искренне расхохотался:

– Ну, вы меня рассмешили, батенька! Мы ведь с вами не на базаре торгуемся, а занимаемся вполне серьезными делами. Так какие же тут могут быть сомнения?

– Тоже верно, – смущенно отозвался Терентий Платонович.

Неожиданно в дверь постучали.

– Войдите! – громко произнес князь.

В кабинет вошел тот самый худосочный мужчина, что принес ему приглашение явиться к князю.

– Ваше сиятельство, вам тут срочно пришла депеша, – протянул он запечатанный конверт.

Тяжко вздохнув, тем самым давая понять, каким удручающим бывает бремя государственной власти, князь Курагин надорвал сургучную печать и вытащил письмо. Терентий Платонович, проявляя такт, старался не смотреть на развернутый исписанный лист бумаги. Однако заметил под размашистой подписью круглую императорскую печать с двумя орлами.

Вот оно как!

Внимательно вчитавшись, князь удовлетворенно покивал головой. Сунул письмо обратно в конверт и небрежно бросил его на край стола.

– Весьма! – только и протянул он. А потом с хитрецей в глазах посмотрел на гостя и произнес: – А вы, однако, из счастливых, сударь!

– Вы так считаете? – робко спросил Мисаилов.

– Убежден! Вот только что мы с вами говорили о назначениях, а тут ко мне приходит бумага из императорской канцелярии, в которой сообщается, что в Тобольской губернии освободилось место вице-губернатора! И спрашивают меня, не мог бы я порекомендовать какого-нибудь дельного человека на это место? И вот я подумал, а почему бы, сударь, вам не стать вице-губернатором?

– Вице-губернатором? – выдохнул Терентий Платонович, почувствовав, как закружилась голова.

– Почему бы и нет? Это вам не какой-нибудь столоначальник. Это, батенька, работа огого! Масштаб! Что же вы молчите?

– Прямо даже и не знаю, что вам сказать, ваше сиятельство... – промямлил Мисаилов.

– Ну-у, на вас, батенька, и не угодишь, – обиженно протянул князь. – Вам удача в самые руки прыгает, а вы от нее отворачиваетесь. – Князь беспомощно развел руками. – Я тогда даже и не знаю, что вам предложить.

– Ваше сиятельство, – быстро заговорил Терентий Платонович, – было бы, конечно, здорово сделаться вице-губернатором, только потяну ли я?

– Да полноте вам, – отмахнулся князь. – Такой молодец, и не справится? Еще как справитесь! А потом, как известно, не боги горшки обжигают; ведь у вас будет штат помощников, советников, секретарей, консультантов... Если вы согласны, так я тотчас опишу в имперскую канцелярию, – кивнул он на конверт, лежавший на столе, – что у меня подобрана нужная кандидатура.

– Я согласен, – услышал Мисаилов собственный голос, прозвучавший убедительно, к его изумлению.

– Вот и отлично!

– А сколько будет стоить э-э-э... эта услуга?

– Чего же мы все о пустяках, – лицо князя сложилось в брезгливую гримасу. – Для меня важно помочь человеку... Ну, если вы так настаиваете, это будет каких-то шесть тысяч рублей. Для такого большого дела, уверяю вас, это сущие пустяки.

Мисаилов едва не поперхнулся, но спорить с князем не хотелось.

– Ну-у, как вам сказать...

– Признаюсь откровенно, – перебил Иван Федорович, – обычно за подобную услугу мой гонорар составляет год жалованья. А это, согласитесь, немалые деньги. Но с вас я беру значительно меньше. Так вас устраивают шесть тысяч?

– Вполне приемлемо, – ответил Мисаилов, все еще не в силах вырваться из охвативших его грез. Перед ним разворачивались невиданные перспективы, масштаб которых он даже не мог осмыслить. Шутка ли, сам вице-губернатор!

– Вот и славно! – с заметным облегчением проговорил князь.

– И когда мне приступать к работе?

– Экий вы, батенька, прыткий, – весело рассмеялся Иван Федорович. – Хотя, может быть, для дела это и неплохо, – неожиданно сделался он серьезным. – Такие важные решения не

принимаются в течение двух-трех дней. – Чуток призадумавшись, сказал: – Но обещаю, что это будет скоро, не пройдет и двух недель, как вы займете кресло вице-губернатора. А для начала мне нужно переговорить кое с кем из министров. – Щелкнув крышкой часов, он покачал головой: – Уже пора... И еще хочу предупредить: о нашем разговоре никому ни слова!

– Я все понимаю, ваше сиятельство, – поспешно заверил Терентий Платонович.

– То, что мы делаем, скажу так... не совсем в пределах правил, а поэтому мы должны побережиться. Это в ваших же интересах. Если же начнете распространяться на эту тему и захотите нанести ущерб моей репутации, то вам вряд ли кто поверит, я же со своей стороны предприму все меры, чтобы вы оказались... в значительном отдалении от вице-губернаторского места. Вы понимаете, о чем я говорю?

По спине Терентия Платоновича пробежал неприятный холодок. Его собеседник был с большими связями, и ему ничего не стоило отправить его за клевету куда-нибудь в Сибирь.

– Разумеется, ваше сиятельство. Не беспокойтесь, можете положиться на меня всецело.

– Вот и отлично! Ваши данные у меня имеются, сегодня же я передам их одному заинтересованному лицу. Сами понимаете, его услуга не бескорыстна и требует кое-каких затрат, так что я взял бы у вас авансом три тысячи рублей. Вы располагаете сейчас такой суммой?

Терентий Платонович принялся поспешно рыться в карманах.

– Да, у меня как раз есть с собой такие деньги.

Виновато улыбнувшись, князь произнес:

– В нашем деле не принято тратить собственную наличность.

– Конечно же.

– А то как получается... Я вам помогаю, батенька, а еще и трачу свои деньги, это будет похлеще, чем меценатство.

– Ваше превосходительство, я полностью с вами согласен, – поспешно заверил Терентий Платонович.

– А ведь в моей практике случалось и такое, отыщешь для человека важное место, а он даже не доплатит тех денег, которые обещал по устному договору. А ведь мне нужно рассчитаться с нужными людьми, которые помогают ему раздобыть таковое место. А потом ведь могут случиться непредвиденные расходы.

– Ваше сиятельство, это ко мне совершенно не относится, – принялся горячо уверять Терентий Платонович. – Я человек благодарный и всегда помню тех, кто делает мне добро. Пожалте, возьмите! – протянул он три тысячи.

– Нет, нет, только не в руки, – запротестовал отчего-то князь, замахав руками. – Скверная примета, знаете ли. А то дело может не выгореть. Давайте положите эти деньги вот сюда, – показал он на стол. Мисаилов бережно уложил небольшую стопку купюр на зеленое сукно и поспешно отошел. – Вот и славно! Давайте встретимся эдак дня через два. Думаю, за это время ваша ситуация существенно прояснится. Вы будете располагать временем?

– Я обязательно приду, – с готовностью произнес Терентий Платонович, всем своим видом показывая, что ни одно самое срочное дело не сумеет помешать его встрече с князем.

– Хорошо, – поднимаясь, сказал Иван Федорович, давая понять, что разговор завершен.

Раскланявшись, Терентий Платонович вышел за порог. У самого входа все так же величаво стоял швейцар. Открыв перед посетителем дверь, он важно раскланялся, пожелав счастливого пути. В какой-то момент Терентию Платоновичу показалось, что в светло-карих глазах швейцара блеснула какая-то труднообъяснимая хитринка. Настроение было хорошее, радостные чувства просто распирали его грудную клетку, и он тотчас позабыл обо всех своих сомнениях и о швейцаре, глядевшем на него лукавым взором.

Глава 6

ДЕЛИКАТНЫЙ ПРЕДМЕТ

Аристарх Ксенофонович налил из графина беленькой в небольшую рюмку. Пригладил топорщившиеся усы и одним махом выпил горькую. На минутку застыв, прислушался к себе: водка скоренько пробежала по пищеводу и обожгла желудок. Приятная теплота разливалась по всему телу, вставать не хотелось, так и просидел бы в удобном кресле до самой трапезы.

Негромко отворив дверь, в костюме швейцара вошел Феоктист Евграфович. Приподняв занавеску, он с довольной улыбкой посмотрел на удалявшегося Мисаилова:

– Ишь, побежал! Как будто крылья за спиной выросли. А может быть, вы и для меня что-нибудь подыщите подходящее, ваше сиятельство? – повернулся он к Худородову, буквально расплывшемуся в широком кресле. – Должность вице-губернатора мне ни к чему. Куда мне, сирому, до такого места. Боюсь, что не справлюсь, да и по скудоумию не подойду, а вот начальником губернской канцелярии, так это по мне, – толстые губы Феоктиста Евграфовича растянулись в довольной улыбке. – Сидишь себе в большом кресле, как ваше, и знай себе приказы подписывай да печати ставь. А где-то внизу все в движение приходит – курьеры там разные, разносчики, чиновники всяких мастей... На то жалованье, что в месяц платят губернскому секретарю, можно целый год водку пить и паюсной икрой закусывать!

– А мне кажется, вас не столько деньги интересуют, сколько сам этот балаган.

– Хе-хе! Как же без балагана-то? Без него жить скучно, а так радость какая-то! Вот только думаю, как бы нам с этим делом не переиграть.

– А что такое? – насторожился Аристарх Ксенофонович.

– Пролетка мимо проезжала, а в ней пассажир был и очень внимательно на дом посмотрел. Потом остановился в конце улицы, постоял малость и в бакалейную лавку к купцу Феррапонтову потопал. Похоже, за домом наблюдает.

– Пустое! – отмахнулся Худородов. – Таких пассажиров за день по сотне душ проезжает, так что на каждого не насмотришься. – Протянув сотенную, произнес: – Лучше сходи-ка, купи мне медовухи. А то у меня в горле першит.

* * *

Выйдя из кабинета Аристова, Иннокентий Кривоzubов тотчас направился на базарную площадь, где стояли извозчики. Поймав открытую пролетку, он поехал в сторону Подколябельного переулка.

Свое новое назначение филер воспринял как благоприятное расположение начальника Московского сыска. Ведь кто, как не он, два месяца назад выследил Яшку-душегубца, полгода зверствовавшего в московских посадах. А кто задержал мещанина Сидора Хромого, выдававшего себя за великого князя Константина Константиновича? Опять он! Надо признать, Сидор и в самом деле невероятно походил на его высочество не только внешностью, но также голосом и манерами. Не зная того, что они родились в противоположных концах России, можно было бы смело предположить, что они выскочили из одной утробы. А кто, как не он, выследил афериста Смолина, продававшего земли в Свяжском уезде простакам, рассчитывавшим отыскать клад волжских разбойников. Правда, предъявить ему было нечего, ведь не насильно же он заставлял их скупать земли, где не было ничего кроме оброненных медных пятак. Но то уже другая история... Полиция взяла мошенника на заметку и теперь знала обо всех его передвижениях.

Так что кому, как не ему, наблюдать за лже-Шаляпиным?

Проехав мимо указанного дома, Иннокентий Кривоzubов с удивлением обнаружил, что тот принадлежит князю Ивану Федоровичу Курагину. Строение выделялось среди прочих величиной и садом исключительной красоты. У самого входа стоял представительный детина с длинной густой бородой. Не будь на нем швейцарской ливреи, так его запросто можно было бы принять за командира какого-нибудь крупного воинского подразделения. Держался столь значительно, как если бы полагал, что всякий проходящий обязан отвесить ему глубокий поклон.

Распорядившись, чтобы кучер остановился в конце улицы, с которой прекрасно просматривался княжеский дом, Иннокентий, стараясь не привлекать к себе внимания, прошел в бакалею и стал наблюдать за домом через большую стеклянную витрину.

Через несколько минут из усадьбы на мостовую вышел высокий худой человек и быстрым шагом направился к стоявшей неподалеку пролетке. Что-то сказав вознице, он быстро юркнул в экипаж, тотчас тронувшийся.

На первый взгляд дом был обыкновенный, если не считать того, что в нем было слишком мало слуг. Может, князь был из того племени людей, что предпочитают тишину. Но что-то подсказывало Иннокентию Кривоzubову, что не все так просто, как могло показаться на первый взгляд.

Подождав еще несколько минут и купив две булки с маком и бутылку молока, он вышел из бакалеи и зашагал к пролетке. Нужно будет написать подробнейший отчет начальнику сыскной полиции и непременно поделиться своими сомнениями.

* * *

Предстоящего дня Терентий Мисаилов ожидал с особым нетерпением. Шутка ли, через каких-то две недели он станет вице-губернатором! Сон не наступал, просыпаясь среди ночи, он подходил к огромной карте, повешенной в его кабинете, и часами рассматривал место будущей службы. А потом, еще более возбужденный, он ложился спать и, проворочавшись до самого рассвета, вновь поднимался, чтобы топтать на опостылевшую работу.

Теперь на своих коллег он смотрел с затаенным чувством превосходства. Склонившись над бумагами, каждый из них полагал, что делает карьеру, рассчитывал в скором времени перепрыгнуть зараз через две ступени, а в действительности вряд ли кто из них поднимется выше коллежского асессора. А он – виданное ли дело! – сразу вице-губернатор!

Блаженное состояние Мисаилова было замечено, и один из коллег, с которым Терентий Платонович был накоротке, сдержанно поинтересовался:

– Уж не повышение ли оклада ожидаете, Терентий Платонович?

Стараясь поглубже упрятать распиравшее ликование, Мисаилов произнес:

– Разумеется, добавят... Двадцать рублей к пенсии.

Если бы они только знали. Вице-губернатор, это же высота какая! Прежде о подобном он и мечтать не смел.

С трудом дождавшись назначенного дня, Терентий Платонович явился в апартаменты к князю.

Одетый в золотое шитье губернского предводителя дворянства, Иван Федорович Курагин был особенно представительен. На широкой ленте через правое плечо красная лента ордена Святого Станислава; через левое плечо – синяя лента Белого Орла; а на груди еще три больших ордена с лучами.

Вальяжно, как и подобает большому чиновнику, князь скупно поздоровался и показал на стул. Тряхнув ворохом бумаг, произнес:

– Только вашими делами и занимаюсь, батенька. Вы даже не представляете, как это затруднительно. Кто бы мог подумать!

Сердце у Терентия Платоновича упало.

– Неужели не получилось, ваше сиятельство?

– Вы меня, сударь, плохо знаете, – слегка посуровел князь. – Уж если я за что-то берусь, так не отступлюсь от своего, пока по-моему не выйдет. А потом, как же мне отступить, ежели обещание вам дано и некоторый авансеч получен. Хотя, признаюсь откровенно, в этом деле имеются некоторые проблемы. В настоящее время повсеместно очень трудно с хорошими вакансиями. Но вам не стоит особенно переживать, ваши документы уже наверху, – поднял он очи кверху. – Осталась только роспись, и можете заказывать себе мундир вице-губернатора, – торжественно произнес князь. – Можно уже вас поздравить... Хотя не будем торопиться, чтобы не сглазить. – Глянув на часы, он слегка покачал головой. – Однако как время-то бежит!

– Вы куда-то спешите, ваше сиятельство?

– Признаюсь откровенно, опять спешу! Через два часа у меня очень важная встреча с одним лицом из императорского дома... не буду называть его фамилию, – негромко заметил князь. – Вы меня понимаете?

– Разумеется, ваше сиятельство, – быстро поддакнул Терентий Платонович.

– А затем у меня будет разговор с обер-прокурором Синода. Одно уважаемое лицо желает, чтобы его наградили орденом Андрея Первозванного. Скажу вам откровенно, хотелось бы, чтобы он поддержал мою кандидатуру на место вице-губернатора.

– Даже так! – ахнул Терентий Платонович. – Андрея Первозванного!

– Именно так, сударь, и чтобы непременно орден был с алмазами.

– Так, значит, вы и это можете? – Дыхание у Мисаилова невольно перехватило.

Расхохотавшись, князь сказал:

– Дорогой мой, я много чего могу. Вы даже не подозреваете об истинных моих возможностях. А ордена, – губы его приняли брезгливое выражение, – это такой пустяк, что даже не стоит об этом и говорить.

– А желающих получить ордена много?

Князь опять рассмеялся:

– Вы не представляете себе, сколько бывает желающих! Просто отбиться не могу! А все просят, посодействуй, помоги. – Издав продолжительный вздох, продолжил: – Что же делать, приходится входить в положение. Что тут скажешь, нужен я людям! Вроде бы все у них есть: и достаток, и чин немалый, а вот такой крохотной вещицы, как орден Анны, – не имеется! Вот и приходится помогать по доброте душевной.

– И кто же ваши клиенты?

– Из всех сословий... Хотя в большинстве купцы.

– А им-то зачем? – подивился Терентий Платонович. – У них же все есть.

– А вот и не все! Дворянства не имеется. А в нашем обществе аристократия всегда в большом почете. Орден дает право на потомственное дворянство, а это и карьера, и хорошая служба. Да мало ли еще что! Вот нужен иному купцу орден – подходит он с поклоном к губернатору и просит его об этом. А тот отвечает: направь с полмиллиона на благоустройство города, вот тогда и похлопочу. Что тут поделаешь, вот купец и несет дополнительные расходы. А уже потом орден получает, и генерал-губернатор доволен, что у очередного простофили деньги на благоустройство города получил. И, конечно же, купец возвращается домой удовлетворенный, что сумел для своих ненаглядных чад потомственное дворянство раздобыть. А я иному купцу орден за третью часть от назначенной суммы сделаю, а то и вовсе за четверть! Хотя при вашем будущем положении без ордена никак нельзя. Засмеют! Что же это такое получается, вице-губернатор – и без ордена.

– Вот и я о том же самом думаю, – нерешительно произнес Терентий Платонович. – Особо важный орден мне ни к чему, но так, чтобы был... Чтобы перед другими вице-губернаторами было незазорно.

– Ну, право, вы как дитя неразумное! Где же это вы видели, чтобы вице-губернатор без Белого Орла был?

– Ну-у, я не знаю...

– Вот то-то и оно! Справим мы вам орден. Думаю, что в самый раз будет орден Андрея Первозванного.

– Если вы так считаете, – несмело протянул Мисаилов. – И сколько же это будет стоить, ваше сиятельство?

Лицо князя приняло задумчивое выражение.

– Я хоть и помогаю людям, но такая услуга не бесплатная.

– Я понимаю, ваше сиятельство. Так сколько же?

– За Андрея Первозванного без алмазов я с вас возьму семь тысяч рублей.

Терентий Платонович сдавленно сглотнул. Сумма была не маленькая, но дело стоило того. А как хотелось нацепить орденскую голубую ленту от бедра на зависть всем сослуживцам! Заявиться на прежнее место службы уже в чине вице-губернатора, да еще с орденом Андрея Первозванного... Они бы все полопались от зависти!

– А сколько же будет с алмазами? – услышал Терентий собственный голос.

– Разумеется, с алмазами будет подороже... Десять тысяч рублей. Но это исключительно из моего хорошего расположения к вам!

– Возможно, мне это подходит... И когда же я смогу надеяться на орден?

– Какой вы, однако, цепкий, сударь, – с добродушной улыбкой погрозил пальчиком его сиятельство. – Уверен, что из вас получится отменный вице-губернатор. А чего там долго мудрить? С такой должности и до генерал-губернатора недалеко! – решительно рубанул рукой князь Курагин. – Я так вам скажу, с орденом быстро не делается. Одно дело – вакансия! Ее нужно заполнить сразу, а другое дело – орден. Пока прошение пройдет по всем инстанциям, пока будут подготовлены соответствующие документы, пока произойдет согласование, – принялся загибать пальцы Иван Федорович, – пока оформят наградной лист, пока у ювелира закажут орден! А если он еще и с алмазами, так это дополнительные хлопоты. Так что смело вам могу сказать, что раньше месяца и не будет. – Пожав плечами, добавил: – Разумеется, если вы хотите обождать, тогда другой вопрос.

– Я обожду, – смиренно произнес Терентий Платонович. – А это подразумевает сиюминутные расходы или можно погодить?

– Увы, – вздохнул князь, – орден – эта такой чувствительный и деликатный предмет, что дожидаться долго не может. Необходимо сделать предоплату.

– И сколько же? – затаив дыхание, спросил Терентий Платонович.

– Сущие пустяки, – махнул рукой князь. – Каких-то четыре тысячи! По сравнению с теми благами, что несет награда, эти деньги ничего не стоят.

Мисаилов сдавленно сглотнул. Если он и дальше будет столь стремительно тратить батюшкино наследство, то его вряд ли хватит к концу будущего года. А ведь сравнительно недавно ему казалось, что он обеспечен на всю жизнь. Хотя, если в ближайшее время он войдет в должность вице-губернатора, то все траты окупятся с лихвой.

Заметив колебания Мисаилова, князь сказал:

– Вас никто не принуждает. Вы вправе отказаться, сударь. Но вы должны сразу понять, что значительная часть средств будет передана заинтересованным лицам в первый же день, а вот другая – уже после того, как будет выписан наградной лист. А потом, не забывайте, существуют еще такие вещи, как многочисленные переговоры с влиятельными персонами. Такие встречи не проходят где-нибудь на лавочке в Александровском саду. Это дорогие рестораны, которые подразумевают дополнительные траты. Вот сегодня встречаюсь опять по вашему делу с секретарем имперской канцелярии. Не станет же он расплачиваться за обед из собственного кошелька? – поднял брови князь.

– Не станет, – неуверенно сказал Терентий Платонович.

– Ну вот видите, вы со мной согласны! Есть у вас при себе деньги, скажем, четыре тысячи?

Стараясь не показывать своего неудовольствия, Терентий Платонович достал деньги и протянул их князю.

– Думаю, что в качестве задатка это пойдет.

Взяв деньги, князь сунул их в шкатулку, стоявшую на столе. Затем придвинул к себе ящик с сигарами, вытащил две, одну протянул гостю.

– Пожалте.

– Благодарствую, ваше сиятельство, но я не курю.

– Похвально, – кивнул князь, отрезая специальными ножницами кончик сигары. – Вы во всех отношениях положительный человек. Вот даже не курите.

Прикурив сигару, Иван Федорович откинулся на широкую спинку, пустил в потолок тонкую серую струйку дыма и глубоко задумался. Прерывать столь глубокомысленное молчание было крайне неловко, оставалось только разглядывать его породистое лицо и наблюдать за тем, как темно-серый дым поднимается к самому потолку.

Молчание продолжалось довольно долго. Наконец князь прервал утомительную паузу.

– Думаю, нам нужно будет встретиться с вами еще через два дня. К этому времени я вам дам полный отчет по вашему месту в Тобольске и по ордену. – Неожиданно его лицо растянулось в широкой и располагающей улыбке. – Мундир вице-губернатора и голубая лента с Андреем Первозванным очень подойдет к вашей представительной фигуре, – вы даже вообразить себе не можете! – Загасив сигару, он посмотрел на часы. – Ох, как мы с вами заболтались, граф уже ждет меня! Да-с... Так что прошу покорнейше извинить меня, – поднялся князь, – но мне нужно идти. С нетерпением жду нашей встречи через два дня. Не забудете?

– Как же можно, ваше сиятельство! – горячо возразил Терентий Платонович, направляясь за удаляющимся князем.

* * *

Иннокентий Кривоzubов внимательно присматривал за домом. Число его обитателей было весьма невелико. Судя по всему: сам хозяин – дородный человек с большими пшеничного цвета усами; швейцар аршинного роста (возможно, когда-то занимался гимнастическими упражнениями), стоявший в дверях; худошавый долговязый слуга, по всей видимости, исполнявший должность курьера, и миловидная девушка лет двадцати. Ее можно было бы назвать красавицей, если бы не излишняя курносость. Хотя как тут судить о красоте? Возможно, именно эта особенность анатомического строения лица какому-то фигуранту покажется особенно привлекательной.

Кроме наружного наблюдения, филеру вменялось вести негласный сбор информации о лицах, представляющих особый интерес. А потому, набравшись терпения, Иннокентий Кривоzubов старался контролировать каждый шаг обитателей дома.

На первый взгляд они не совершали ничего противозаконного. Курьер дважды побывал в типографии и возвратился оттуда с какими-то длинными свертками, весьма похожими на плакаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.